

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра маркетинга

КОНТРОЛЬНЫЕ РАБОТЫ

по дисциплине: «Философия и методология науки»

Выполнила:
студентка группы РСОзм-201
Аникушина Алёна Сергеевна
Научный руководитель:
профессор
Димитрова Светлана Васильевна

оценка по результатам защиты

подпись

«__» _____ 2021 г

Волгоград 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Модульная №1 Становление и развитие науки	3
Модульная №2 Основные концепции философии науки	31
Модульная №3 Социально-гуманитарное познание как предмет философского анализа	64

Модульная №1 Становление и развитие науки

Вариант 1

1. Становление научно-исследовательских программ в эпоху античности

Существуют различные ответы на вопрос о дате и месте рождения науки – в зависимости от того, какую теоретическую модель науки принимают исследователи, к какому течению в рамках философии науки они принадлежат или неявно следуют. Большинство историков науки считают, что о науке в современном смысле слова можно говорить, только начиная с XVI–XVII вв. Однако многие историки говорят именно о Древней Греции как о месте рождения науки. Появление науки в Древней Греции происходило в форме научных программ.

1 научная программа: математическая парадигма.

Основатели: она представлена Пифагором и позднее развита Платоном. В ее основе, как и в основе других античных программ, лежит представление о том, что Космос – это упорядоченное выражение целого ряда первоначальных сущностей, которые можно постигать по-разному. Пифагор нашел эти сущности в числах и представил в качестве первоосновы мира. При этом числа вовсе не являются теми кирпичиками мироздания, из которых состоят все вещи. Вещи не равны числам, а подобны им, основаны на количественных отношениях действительности, являющихся подлинно фундаментальными. Картина мира, представленная пифагорейцами, поражала своей гармонией – протяженный мир тел, подчиненный законам геометрии, движение небесных тел по математическим законам, закон прекрасно устроенного человеческого тела, данный каноном Поликлета.

Следующий шаг в направлении формирования этой программы сделали софисты и элеаты, впервые поставившие проблемы человеческого познания, а также разработавшие теорию доказательств. Они заявили, что ум

человека – это не просто зеркало, пассивно отражающее природу, он накладывает свой отпечаток на мир, активно формируя его картину.

Свое завершение математическая программа получила в философии Платона, который нарисовал грандиозную картину истинного мира – мира идей, представляющего собой иерархически упорядоченную структуру. Мир вещей, в котором мы живем, возникает, подражая миру идей, из мертвой, косной материи, творцом всего является Бог-демиург (творец, создатель). При этом созидание им мира идет на основе математических закономерностей, которые Платон и пытался вычленил, тем самым математизируя физику. В Новое время именно по этому пути пойдет наука. Но это будет осуществляться уже на новом, более высоком уровне знаний о природе. А пока – платоновская физика представляет собой набор умозрительных рассуждений о связи строения вещества с геометрическими фигурами (огонь, как самое подвижное и «острое», состоит из пирамид; воздух – из восьмигранников, вода – из двадцатигранников и т.д.).

Математическая парадигма стала важной в Новое время после появления математизированной науки. Эта программа заложила основы развития естествознания, опираясь не на материальные структуры вещества, а на числовые закономерности, на законы бытия. Основные позиции математической парадигмы:

1. Мир – это упорядоченный Космос, чей порядок сродни порядку внутри человеческого разума. Следовательно, возможен рациональный анализ эмпирического мира.

2. Упорядоченность Космоса является следствием существования некоего всепроникающего разума, наделившего природу назначением и целью. В силу родства разумов (надмирового и человеческого), он доступен непосредственному восприятию человека, который должен для этого развить соответствующие способности, сосредоточив свои силы.

3. Умственный анализ обнаруживает за видимым миром некий вневременной порядок, сущность нашего мира – количественные отношения действительности.

4. Познание сущности мира требует от человека сознательного развития его познавательных способностей – разума, интуиции, опыта, оценки, памяти, нравственности (ибо познание конечных причин бытия – глубочайшая потребность не только ума, но и души). Итогом познания становится духовное освобождение человека.

2 научная парадигма: атомизм.

Атомизм оказал огромное влияние на последующее развитие науки. Он стал итогом развития греческой философской традиции, синтезом целого ряда ее тенденций и идейных установок. Своими корнями он уходит в ионийскую физику, пифагореизм, философию элеатов. Проблемы бытия и небытия (пустоты), существования и возникновения, множества и числа, делимости и качества – все эти проблемы, затронутые предыдущими школами, нашли свое отражение в системе атомизма.

Основатели: Левкипп и Демокрит.

Начала всего сущего это неделимые частицы-атомы и пустота. Ничто не возникает из несуществующего и не уходит в небытие. Возникновение вещей есть соединение атомов, а уничтожение – распадение на части, в пределе – на атомы. Причиной возникновения является вихрь, собирающий атомы вместе.

Атомизм является физической программой, так как наука, по Демокриту, должна объяснить явления физического мира. Объяснение понимается как указание на механические причины всех возможных изменений в природе – движение атомов. Более глубоких причин, принадлежащих какой-то реальности, не доступной обычному восприятию, нет. Причины естественных явлений безличны и имеют физическую природу, их следует искать в земном мире. Познание мира идет путем сочетания чувственного опыта и его рационального преобразования.

Это была первая в истории мысли программа, основанная на методологическом требовании объяснения целого как суммы отдельных составляющих его частей. Именно так были построены не только физические, но многие психологические и социологические теории Нового времени. Это означало появление механистического метода, требовавшего объяснять сущность природных процессов механическим соединением индивидуумов.

3 научная парадигма: программа Аристотеля.

Данная программа возникла на переломе эпох.

С одной стороны, она еще близка к античной классике с ее стремлением к целостному философскому осмыслению действительности (при этом она пытается найти компромисс между двумя предыдущими программами). С другой, в ней отчетливо проявляются эллинистические тенденции к выделению отдельных направлений исследования в относительно самостоятельные науки, со своими предметом и методом.

Происходит поиск 3 пути, возражая и Демокриту, и Платону с Пифагором, Аристотель отказывается признать существование идей или математических объектов, существующих независимо от вещей. Но не устраивает его и демокритовское появление вещей из атомов. Пытаясь снять это противоречие, Аристотель предлагает четыре причины бытия: формальную, материальную, действующую и целевую. В его «Метафизике» воссоздается мир как целостное, естественно возникшее образование, имеющее причины в себе самом. Это образование предстает перед нами в виде двойственного мира, имеющего неизменную основу, но проявляющегося через подвижную эмпирическую видимость. Предметом науки должны стать вещи умопостигаемые, не подвластные сиюминутным изменениям. Заслугой Аристотеля является и написание его знаменитого «Органона» – трактата по логике, поставившего науку на прочный фундамент логически обоснованного мышления с использованием

понятийно-категориального аппарата. Кроме того, Аристотель систематизировал накопленные к этому времени научные знания.

Итак, 3 научные программы античного мира заложили основы науки. Дальнейшее развитие науки – развитие и преобразование этих научных программ. Научные парадигмы – это еще не наука в современном смысле: еще нет понятия универсального природного закона; еще невозможно применение математики в рамках физики – это разные науки, между которыми нет точек соприкосновения; еще нет эксперимента как искусственного воспроизведения природных явлений, при котором устраняются побочные и несущественные эффекты и который имеет своей целью подтвердить или опровергнуть то или иное теоретическое предположение. Естествознание греков было абстрактно-объяснительным, лишенным деятельного, созидательного компонента. Однако из-за стечения социокультурных обстоятельств, которое реализовалось в античной Греции, появились условия для возникновения науки. Здесь оформились такие свойства науки, как intersубъективность, идеальное моделирование действительности, надличностность, субстанциональность, что позволяет говорить о появлении там науки как особого типа отношения к реальности.

2. Классическая наука XVII до конца XIX (Истоки классической новоевропейской науки связывают с именами Г. Галилея, И. Ньютона, Г. Лейбница, Р. Декарта; механическая картина мира, Ньютоном классическая механика Ньютона как исторически первая научная теория)

Классическая наука – определенный этап функционирования и развития науки, для которого характерно господство объектного и жестко детерминистического стиля исследования, господствовавшего в науке, начиная с XVII вплоть до конца XIX – начала XX столетия. Истоки классической новоевропейской науки, как правило, связывают с именами Галилея, Ньютона, Лейбница, Декарта и других выдающихся ученых и мыслителей. Их усилиями была разработана механическая картина мира, в

основе которой лежала системно обоснованная Ньютоном классическая механика как исторически первая научная теория.

Механистическая картина мира основывалась на принципиальном исключении субъекта познания и всего того, что связано с субъективно-личностными аспектами познавательной деятельности из совокупной системы знания, форм его философского осмысления и интерпретации. В результате изучаемые явления природы рассматривались как не связанные между собой, неизменные и неразвивающиеся объекты, перемещающиеся в пространстве под воздействием механических сил. На протяжении трех столетий эта картина мира осуществляла экспансию на различные предметные области, расширяя ареал объяснительных возможностей классической парадигмы научного познания.

К концу XVIII – началу XIX столетия наука начинает активно использоваться в производстве, определяя его бурный прогресс от форм мануфактурной организации к машинной индустрии. Начинают формироваться технические науки, которые впоследствии стали выступать связующим элементом между естественнонаучным знанием и производственными технологиями. Возникает дисциплинарная организация науки, которая является важной вехой в ее развитии на этапе классики. В этот исторический период господства индустриальных форм организации производства и общественной жизни создаются предпосылки и для возникновения социально-гуманитарных наук. С их появлением завершается процесс формирования дисциплинарно организованной науки, и она обретает статус подлинной системы научного знания об основных сферах реальности, включая природу, общество и человеческий дух.

Г. Галилей занимался механикой, физикой и астрономией и вошел в историю как создатель экспериментального метода. Г. Галилей делит эксперименты на естественные (опыты с предметами природы) и мысленные. Г. Галилей широко использовал в научных опытах созданные им приборы.

И. Ньютон подытоживает научные достижения эпохи Возрождения и Нового времени. Его главный труд называется «Математические начала натуральной философии». Данный труд называют Библией новой науки.

И. Ньютон формулирует основные законы классической механики, дает математическую формулировку закона всемирного тяготения, с научной точки зрения объясняются многие опытные данные (например, морские приливы). И. Ньютон создал науку, основные идеи которой господствовали более 200 лет – до начала XX в. На основе осмысления законов механики была сформирована механическая научная картина мира, которая вошла в историю как ньютоновская картина мира.

Механистическая научная картина мира включает в себя следующие основные положения:

1. Вселенная понимается как совокупность огромного числа неделимых и неизменных частиц. Частицы перемещаются в абсолютном (неизменном) пространстве благодаря силам тяготения.

2. Любые события в мире однозначно предопределены законами механики, отрицается роль случайности.

3. Мир (Вселенная) состоит из вещества, а вещество – это совокупность атомов. Атом неделим, неизменен, непроницаем.

4. Движение тел и атомов понимается как перемещение в абсолютном пространстве в течение абсолютного времени.

5. Природа понимается как некая машина – механизм. Все части этой машины подчиняются жесткой детерминации, то есть однозначной обусловленности вещей и процессов.

6. Все, даже самые сложные процессы, можно свести, объяснить на основе редукции. Редукционизм – это сведение сложного к простому, объяснение явлений природы исключительно с помощью принципов, понятий, законов механики.

Г. Лейбниц полагал, что материя не может быть субстанцией, так как она делима; субстанция же должна быть абсолютно простой и «живой». Он выдвинул учение о множественности субстанций.

Основа философской системы Г. Лейбница – учение о монадах. В своем произведении «Монадология» он объявил материальные явления проявлением неделимых, простых духовных единиц – монад. Монады вечны и неуничтожимы, их свойством является деятельность, движение и стремление к восприятию. Хотя ни одна монада не оказывает никакого воздействия на другие, тем не менее, движение и развитие каждой из них находятся в полном соответствии с движением и развитием других. Это связано с «предустановленной гармонией» в устройстве мирового целого, заложенной божественной волей. Монада называется душой, когда в ней есть чувство, и духом, когда есть разум. неделимые монады составляют сущность всей природы. Монады различаются по уровню сознательности, Лейбниц различал три вида монад.

1. Монады «нижней ступени» с пассивной способностью восприятия образуют «неясные представления». Тела, состоящие из монад первого вида, относятся к неживой природе. Это минералы.

2. Монады «средней ступени» способны иметь ощущения и отчасти относительно ясные представления. Тела, состоящие из монад второго вида, относятся к живой природе. Это растения и животные.

3. Высшие монады, монады-духи, наделены полноценным сознанием. Носителем монад, наделенных сознанием, является человек. Бог – абсолютно сознательная монада.

В теории познания Лейбниц был идеалистическим рационалистом. Выступал против эмпиризма и сенсуализма. Критерием истинности знания считал ясность, отчетливость и непротиворечивость.

В истории познания Лейбниц не принимает полностью учение о врожденных идеях. Он полагает, что человеческому разуму присущи не идеи, а своего рода предрасположения, которые под влиянием опыта как бы

делятся на два вида: 1. Истины разума; 2. Истины факта. К первому виду относятся истины, приобретенные разумом на основе детального анализа понятий и суждений. Для их проверки достаточны законы аристотелевской логики (закон противоречия, тождества и исключенного третьего). Истины факта – это эмпирически полученные знания. Статус обоих видов истин неодинаков. Истины разума, согласно Лейбницу, имеют необходимый и всеобщий характер, а истины факта – лишь вероятностный.

Лейбниц явился завершителем философии XVII века, предшественником немецкой классической философии. Он был ученым нового типа, одним из тех, кто положил начало все более ускорявшемуся процессу приращения знания. Лейбниц был не только глашатаем новых методов научного познания, но и сам создавал методы исследования. Он внес большой вклад в развитие математики (один из создателей дифференциального исчисления), физики (предвосхитил закон сохранения энергии), геологии, биологии, истории и других наук. Он явился родоначальником современной математической логики.

Философская система Лейбница – классический пример тесной связи теории познания с методологией наук, философии в целом – с потребностями естествознания. Если у Декарта мир был структурой, то у Лейбница он оказывается именно системой, так как понимается как организованное и гармоническое целое. Системное единство мира дополняется у Лейбница системным единством науки. Система Лейбница породила впечатляющую картину мира как единого и восходящего движения.

Философия Декарта была дуалистической. Он признавал наличие в мире двух объективных сущностей: протяжённой (*res extensa*) и мыслящей (*res cogitans*), при этом проблема их взаимодействия в мыслящем существе оказалась в принципе не разрешимой в его философии. Кроме обычной материи Декарт выделил обширный класс невидимых тонких материй, с помощью которых пытался объяснить действие теплоты, тяготения, электричества и магнетизма.

Декарт одним из первых разработал (хотя и на механистической основе) идеи эволюции и провел их через все области учения о природе – от образования светил и планет до возникновения растений, животных и человека. Образование звезд и планетных систем осуществлялось, по Декарту, благодаря вихревому движению материи: мировая материя беспредельна, однородна, не имеет пустот и делима до бесконечности. Здесь Декарт одним из первых вплотную подошел к идее о единстве универсума. Материя находится в непрерывном количественном и качественном движении, определяемом универсальными законами механики. Тем же законам подчиняется и органический мир: животные – это сложные машины. Человек в отличие от животных обладает душой, разумом и речью, что выходит за пределы действия законов механики.

Универсум «состоит только из материи в движении, все события обусловлены столкновением частиц, движущихся одна против другой. Тепло, свет, магнетическая сила, рост растений и любая физиологическая функция (за исключением тех, что контролируются человеческой волей) интерпретируются как частные случаи этой динамики. Пространства, кажущиеся пустыми, наполнены эфиром, конечным источником движения и, следовательно, всех явлений, ведь грубая материя передает эфиру собственное движение и получает его обратно». Таким образом, причиной всех явлений является взаимодействие движущейся материи. Его идеи найдут свое отражение в теории близкодействия.

Ставя вопрос о первоначальной причине движения, он ссылается на Бога, который сотворил мир и сохраняет в материи вложенное при сотворении количество движения. Бог по Декарту творец, который дал первоначальный толчок вселенскому механизму и встал в стороне.

Что касается проблемы познания, то основным вопросом философии для Декарта был вопрос о возможности достоверного знания и определяемая им проблема метода, посредством которого может быть получено такое знание.

Декарт является основателем рационализма в философии Нового времени.

Исходной точкой рассуждений Декарта является «сомнение во всём». Чувства иногда обманывают, значит, чувственные данные не могут быть приняты в качестве исходного принципа философствования. Не являются абсолютно очевидными и математические знания. Они требуют еще своего доказательства. Познание должно начинаться с поиска первоначала. И на этом пути следует отбросить предрассудки, похоронить необоснованные авторитеты. Все должно пройти проверку разумом, все должно быть обосновано, даже то, чему мы привычно доверяем. Интуиция – исходный путь для дедукции.

Как основоположник рационализма Декарт уравнивал все вещи мира перед человеческим интеллектом. Начала, или принципы, природы он перенес из объективного мира в человеческий разум. Это позволило исключить природное неравенство вещей и применить к их познанию количественную характеристику, математические методы. Так, философия Р. Декарта выступила методологическим основанием математизации естествознания, его моделирования.

Несмотря на активную и многовекторную дифференциацию знания в течение нескольких веков существования классической науки, она, тем не менее, сохраняла приверженность неким общим методологическим ориентациям и формам рациональности, которые, собственно, и определяли ее мировоззренческий и операциональный статус.

К таким важнейшим особенностям классической науки в целом можно отнести следующие ее методологические интенции.

Финалистская интерпретация истины в ее абсолютном завершённом и не зависящем от условий познания виде. Эта интерпретация была обоснована в классической механике как методологическое требование при описании и объяснении идеализированных теоретических конструктов (материальная

точка, сила и др.), призванных заменить в теории реальные природные объекты и их взаимодействие.

Установка на однозначное причинно-следственное описание событий и явлений, исключаящее учёт случайных и вероятных факторов, которые оценивались как результат неполноты знания и субъективных привнесений в его содержание.

Элиминация из контекста науки всех субъективно-личностных компонентов познания, а также характерных для него условий и средств осуществления познавательных действий.

Интерпретация любых предметов научного познания как простых механических систем, подчиняющихся принципам аддитивности, требованиям статичности и неизменности основных своих характеристик.

Таким образом, к концу XIX – началу XX века эти методологические интенции получают широкое признание и формируют классический тип научной рациональности. Считалось, что научная картина мира полностью построена и обоснована, а в перспективе необходимо будет лишь уточнять и конкретизировать отдельные детали этой картины. Но развитие науки продолжалось, появились научные открытия, благодаря которым сменилась классическая научная картина мира.

3. Сравнить классический, неклассический и постнеклассический периоды развития науки. (Указать на сходства и различия, можно составить таблицу).

Этап науки	Сходства	Различия
Классический	Предназначение науки, ее отличие от других форм человеческого познания понимались одинаково на всех этапах развития и функционирования	Онтология классической науки – макрообъекты, их свойства, отношения, детерминистские законы, субстанциональность пространства и времени, независимость пространства и времени друг от друга и от материи, эвклидов характер пространства и времени, вечность и бесконечность материального мира, отсутствие в нем общего вектора эволюции. Гносеология классической науки – жесткий, однозначный эмпиризм и рационализм, вера в возможность получения наукой абсолютно достоверного и абсолютно доказанного объективного знания.

	<p>ния науки: это способ получения объективного, определенного, обоснованного, методологически регулируемого и практически полезного знания. Общими критериями научности классического и неклассического знаний являются прежде всего критерии логического характера, такие, как логическая организованность (доказательность), непротиворечивость, полнота, а также универсальные критерии, связанные с природой самого научного знания: всеобщность, теоретичность, интересубъективность, рациональность, необходимость и т.д.</p>	<p>Методология классической науки – разработка методов открытия и доказательства объективно-истинного знания.</p> <p>Социальные основания классической науки: содержание научного знания не зависит от влияния на науку различных социальных структур и институтов, оно полностью определяется только содержанием познаваемых объектов, накопленным ранее научным знанием и методами научного познания действительности (Р. Мертон).</p> <p>Основные положения методологии классической науки.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Один объект – одна истина (Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон). Вынесение субъекта за рамки объекта. Объект изучения – макромир. Соотношение – субъекта (С), объекта (О) и средств познания (приборы, устройства, операции) (Ср) для получения объективного знания: объект познания как таковой $C \rightarrow C_p \rightarrow [O]$. Субъект познания «выносится за скобки», «со стороны», дистанцирован от изучаемого мира. 2. Методологический монизм в одном из двух логических возможных вариантов: либо эмпиризм (Ф. Бэкон, О. Конт, Г. Спенсер, И. Ньютон), либо априоризм (Р. Декарт, Г. Лейбниц). 3. Существует универсальный научный метод. Все науки должны различаться между собой только предметом, а не методом (Г. Галилей, Р. Декарт, И. Ньютон, Г. Лейбниц, О. Конт). Господство динамических закономерностей. 4. Между эмпирическим и теоретическим знанием существует логический мост: одно выводимо из другого (Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Ньютон, О. Конт, У. Уэвелл). 5. Научные законы и теории являются обобщением фактов (Ф. Бэкон, И. Ньютон, Дж. Локк, Д. Юм). 6. Из научных теорий непосредственно выводятся эмпирические следствия, которые могут быть проверены данными наблюдения и эксперимента (Г. Галилей, Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Ньютон, Г. Лейбниц, О. Конт, Дж. Милль, У. Джевонс). Ведущий метод познания – эксперимент. 7. Научные законы и теории могут быть доказаны эмпирически, с помощью индуктивного метода (Ф. Бэкон, И. Ньютон, Дж. Милль). 8. В случае соперничающих гипотез возможен решающий эксперимент как средство выбора между ними (Ф. Бэкон, И. Ньютон, О. Конт, Дж. Милль). 9. Существует логика открытия и доказательства научных истин и логика (Р. Декарт, Ф. Бэкон, Дж. Милль). 10. Наука способна произвести объективное и абсолютно-истинное знание. Установка на рациональность. 11. Развитие научного знания имеет чисто кумулятивный характер: постоянное накопление все
--	--	--

		<p>большого числа научных истин (Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Ньютон, Г. Лейбниц, О. Конт, У. Уэвелл).</p> <p>12. Развитием науки управляет принцип соответствия: новая теория возможна только либо как обобщение старой теории, либо как дополнение к ней (И. Ньютон, О. Конт, Г. Лейбниц).</p> <p>13. Выбор между соперничающими научными гипотезами и теориями возможен и должен осуществляться только на логико-эмпирических основаниях (Г. Галилей, Ф. Бэкон, О. Конт, Дж. Милль, У. Джевонс).</p> <p>14. Существует универсальный критерий истинности научного знания (Р. Декарт, Ф. Бэкон, И. Ньютон, О. Конт, Дж. Милль, У. Джевонс).</p> <p>15. Безусловная наглядность.</p> <p>16. Четкая грань между естественными и гуманитарными науками.</p> <p>17. Отчетливая дисциплинарность. Преобладание дифференциации наук.</p> <p>Предмет изучения – простые системы.</p> <p>Картины мира различных наук складываются отдельно друг от друга и не объединяются в единую общенаучную картину мира; престиж одной из наук (физики).</p> <p>Механическая картина мира (как физическая и как общенаучная)</p> <p>Простые объекты – малые системы (механические системы):</p> <ul style="list-style-type: none"> – относительно небольшое число элементов; – силовое взаимодействие; – детерминированные связи; – свойства целого определяются состоянием. <p>Научная теория, выполняющая роль парадигмы и задающая идеалы и нормы научности: ньютоновская механика.</p> <p>Классический этап – на данном этапе наука характеризуется, прежде всего, принципом интерсубъективности и проникновением субъективных изменений в контекст науки. В первую очередь через процесс познания был внесен принцип дополнительности. Здесь все внимание сосредоточено строго на исследуемом объекте, не вынося его за окружение его деятельности.</p> <p>Естественные науки = социально-гуманитарные науки = Точные знания.</p> <p>Соотношение знания с реальностью: прямой онтологизм – признается полное совпадение знания с реальностью.</p> <p>Возможное кол-во теорий: монотеоретизм – в основе лежит только одна теория.</p>
Неклассический	Предназначение науки, ее отличие от других форм	<p>Онтология неклассической науки – микрообъекты и их свойства, вероятностный характер законов природы, атрибутивность пространства и времени, относительный характер их свойств, зависимость пространства и времени</p>

	<p>человеческого познания понимались одинаково на всех этапах развития и функционирования науки: это способ получения объективного, определенного, обоснованного, методологически регулируемого и практически полезного знания. Общими критериями научности классического и неклассического о знаний являются прежде всего критерии логического характера, такие, как логическая организованность (доказательность), непротиворечивость, полнота, а также универсальные критерии, связанные с природой самого научного знания: всеобщность, теоретичность, интересубъективность, рациональность</p>	<p>друг от друга и от материи, неевклидова структура физического пространства, наличие в материальном мире частичной неопределенности как его фундаментальной черты. Вселенная имеет начало возникновения и конечные пространственные размеры, она все время расширяется, эволюционный характер ее изменения направлен на постоянное усложнение своей структуры и возникновение сознания как рефлексивного свойства материи.</p> <p>Гносеология неклассической науки – мягкий, вероятностный эмпиризм и рационализм, вера в возможность получения наукой относительно-истинного знания об объектах, уравнивание в правах детерминистского и вероятностного знания о них.</p> <p>Методология неклассической науки – разработка методов открытия и обоснования вероятно-истинного знания об объектах.</p> <p>Социальные основания неклассической науки: содержание научного знания существенно зависит не только от объектов исследования, но и от социального заказа, практических потребностей, культурного потенциала общества и уровня научного менеджмента (Э.М. Мирский).</p> <p>Основные положения неклассической методологии науки.</p> <p>1. Структура научного знания является плюралистической, качественно неоднородной по содержанию, форме знания и выполняемым им функциям. Это различные области научного знания (математика, естествознание, социально-гуманитарные науки, технические науки), различные уровни научного знания в каждой из наук (чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический), различные виды научного знания (аналитическое и синтетическое, априорное и апостериорное, исходное и выводное, интуитивное и дискурсное, фундаментальное и прикладное, явное и неявное и др.), различные единицы научного знания (чувственные данные, факты, научные законы, научные гипотезы, теории и др.).</p> <p>2. Не существует универсального метода научного познания, применимого ко всем областям, уровням и видам научного знания. Для различных областей, уровней, видов и единиц научного знания существуют особые группы методов их получения и обоснования.</p> <p>3. Возможно множество истин об одном и том же объекте, не только дополняющих, но и противоречащих друг другу. И это относится как к сложным по своему содержанию объектам, так и к простым (например, элементарным частицам в физике, числам в арифметике, геометрическим объектам, восприятиям объектов в психологии и т. д.). Знание об объекте зависит от его содержания, и от метода получения и условий познания (Н. Бор, В. Гейзенберг, Б. Риман).</p>
--	---	--

	<p>ь, необходимость и т.д.</p> <p>Возможное кол-во теорий неклассического типа научной рациональности и постнеклассического типа научной рациональности схоже: политеоретизм – возможность сосуществования нескольких теорий.</p>	<p>4. Источниками научного знания о познаваемых объектах являются эмпирический опыт и мышление, а также интуиция и продуктивное воображение (Р. Декарт, И. Кант, Э. Гуссерль).</p> <p>5. В любой из развитых наук существуют не два, а четыре уровня знания: чувственный (данные наблюдения и эксперимента), эмпирический (научные факты и законы), теоретический (знание об идеальных объектах, их свойствах и законах), метатеоретический (фундаментальные теории, научная картина мира, идеалы и нормы научного исследования, философские основания науки).</p> <p>6. Каждый из уровней научного знания имеет свою особую онтологию, поэтому между научным знанием различных уровней не существует отношения логической выводимости одного из другого. Это касается и отношений между эмпирическим и теоретическим уровнями научного знания. Научные теории не являются логическим обобщением фактов, а из теорий самих по себе не могут быть логически выведены эмпирические следствия. Для логической взаимосвязи между ними необходим посредствующий элемент – эмпирическая интерпретация понятий теории или теоретическая интерпретация эмпирических фактов. На опыте всегда проверяется не теория, а лишь более сложная система: теория и ее конкретная эмпирическая интерпретация. Вот почему сам по себе опыт не в состоянии ни доказать, ни опровергнуть никакой теории. Опыт может только подтвердить или опровергнуть конкретную эмпирическую интерпретацию теории.</p> <p>7. Эмпирическая интерпретация теории – это одна из возможных областей ее применения к описанию объективной реальности. Любую теорию в принципе можно применять к различным областям реальности. Однако любые факты могут быть объяснены с позиций разных теорий, в том числе и альтернативных между собой. Между теорией и опытом существует отношение многозначного соответствия в обе стороны.</p> <p>8. Не существует ни логики открытия научных законов и теорий, ни логики их доказательства. Процесс открытия новых научных истин является в существенной степени творческим и конструктивным, его основу составляют метод проб и ошибок, интуиция исследователя, а результатом является научная гипотеза. Процесс оценки научной гипотезы на ее состоятельность также однозначно не регулируется некоторым конкретным набором научных методов. Этот процесс всегда включает в себя множество конвенций, а также практических и ценностных соображений ученых. Любая единица научного знания всегда находится под угрозой ее опровержения в будущем (К. Поппер).</p> <p>9. Каждый из уровней научного познания имеет не</p>
--	---	---

		<p>только свою особую онтологию, но и свою особую методологию: методы чувственного, эмпирического, теоретического, метатеоретического познания. Наличие особой онтологии и особой методологии на каждом из уровней научного познания является объективным основанием для разделения труда в современной науке и профессионализации научной деятельности.</p> <p>10. Научное знание и его методы имеют плюралистическую структуру, поэтому в науке в принципе невозможен универсальный критерий истинности научного знания. Для разных областей, уровней, видов и единиц научного знания существуют особые критерии истинности, обусловленные спецификой их содержания, формы и функций в системе научного знания.</p> <p>11. Вероятностное знание в науке столь же ценно в онтологическом, гносеологическом, методологическом и практическом плане, сколь и однозначное знание о познаваемых объектах (В. Гейзенберг, Н. Бор).</p> <p>12. Наука способна своими методами достичь лишь относительно-истинного знания о познаваемых объектах. Эта относительность обусловлена тем, что все научные методы и средства имеют только ограниченную разрешающую силу своих познавательных возможностей. Это имеет место в отношении как эмпирических методов познания (основанных на использовании конкретных приборов и средств измерения), так и теоретических методов (мысленного эксперимента, логических доказательств, конструктивно-генетического метода, метода математической гипотезы, метода симметрий и др.) (А. Эйнштейн).</p> <p>13. Система научного знания является не только плюралистической в содержательном и методологическом плане, но и целостной. В основе этой целостности не только следование общим требованиям научной рациональности в любой области и на любом уровне научного знания, но и взаимосвязь одних единиц научного знания и методов научного познания с другими. Эти два фактора существенно ограничивают количество проб в научном поиске и одновременно делают систему научного знания достаточно устойчивой.</p> <p>14. Общая динамика развития научного знания определяется как содержанием исследуемых объектов и внутринаучными познавательными целями и идеалами, так и влиянием социальных факторов наряду с практическими потребностями общества.</p> <p>Предмет изучения – сложные самоорганизующиеся системы.</p> <p>Картины мира различных наук все еще не отделены друг от друга, но совместно формируют общенаучную картину мира, в рамках которой научное знание уже не претендует на статус вечной и неизменной истины, а осознается как последовательно развиваемое и уточняемое.</p>
--	--	--

		<p>Признание субъектности знания и познания. Учет внерациональных способов познания. Учет роли и значения вероятностно-статистических закономерностей. Объект изучения – микро-, макро- и мегамир. Моделирование (в том числе математическое) Условная наглядность. Стирание грань между естественными и гуманитарными науками. Дифференциация и интеграция наук (теория систем, синергетика, структурный метод).</p> <p>Механическая картина мира утрачивает статус общенаучной, формируются специфические частнонаучные картины мира.</p> <p>Сложные системы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – уровневая организация; – наличие автономных и переменных подсистем; – массовое стохастическое взаимодействие элементов; – существование управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы; – «вероятностная причинность». <p>Соотношение – субъекта (С), объекта (О) и средств познания (приборы, устройства, операции) (Ср) для получения объективного знания: объект в связи со средствами и операциями познавательной деятельности $C \rightarrow \{Cp \rightarrow O\}$. Фиксация особенностей измерения.</p> <p>Научная теория, выполняющая роль парадигмы и задающая идеалы и нормы научности: теория относительности и квантовая механика.</p> <p>Неклассический этап – данный этап характеризуется идеей зависимости, а также связи конкретного объекта со средствами деятельности. Учет полученных в ходе исследования результатов является условием получения в дальнейшем истинного знания о данном объекте.</p> <p>Исключается стремление к точности. Главное – выявление смысла и значения явления.</p> <p>Соотношение знания с реальностью: методологизм – содержание знания зависит от метода и средств познания.</p>
<p>Постнеклассический</p>	<p>Предназначение науки, ее отличие от других форм человеческого познания понимались одинаково на всех этапах развития и функционирования науки: это способ получения объективного, определенного,</p>	<p>Онтология постнеклассической науки – природно-социальные объекты и человеко-размерные системы, в которых человек и его деятельность являются одним из элементов (технические, технологические, экологические и информационные системы).</p> <p>Гносеология постнеклассической науки – пробабиллизм и гипотетизм, осознание принципиально субъект-объектного и социального характера научного познания и любых его результатов, любых единиц научного знания от фактов до законов и теорий.</p> <p>Методология постнеклассической науки – разработка социальных технологий открытия и принятия полезных моделей и гипотез об объектах.</p> <p>Социальные основания постнеклассической науки: содержание научного знания существенно зависит от творческого потенциала ученых, научного этоса, а оценка</p>

	<p>обоснованного, методологически регулируемого и практически полезного знания.</p> <p>Возможное кол-во теорий неклассического типа научной рациональности и постнеклассического типа научной рациональности схоже: политеоретизм – возможность сосуществования нескольких теорий.</p>	<p>его адекватности и значимости – от мнения профессионального научного сообщества.</p> <p>Основные положения постнеклассической методологии науки.</p> <p>1. Реальным субъектом научного познания является не ученый вообще (трансцендентальный субъект – И. Кант), а отдельные ученые и дисциплинарное научное сообщество, объединенные предметом научного исследования, накопленным в данной области знанием, методикой его получения, организационными структурами, научными коммуникациями, разделением труда и доверием к профессионализму членов научного сообщества (М. Малкей, Т. Кун, Б. Латур, Р. Хьюбнер).</p> <p>2. Научное познание является социально-когнитивной деятельностью, а его результаты – продуктом коллективного научного творчества. Коммуникационные отношения между учеными в ходе осуществления ими познавательной деятельности играют не менее важную роль в обеспечении продуктивности научного познания и содержания его результатов, чем используемые ими методы и средства научного познания (М. Малкей, Б. Латур).</p> <p>3. Любой продукт научного познания по своей природе имеет субъект-объектный характер, где вклад ученого как субъекта научного познания, используемые им технологии получения нового знания и его обоснования играют не менее важную роль, чем содержание объекта научного познания (Ж. Бодрийяр, У. Матурана, П. Вацлавик).</p> <p>4. В методологическом плане любая единица научного знания в принципе всегда будет недоопределенной, потому что она всегда является частью некоторого более обширного и не до конца отрефлексированного контекста, а любые методы научного познания на любом из его уровней в принципе не могут гарантировать получение абсолютно-определенного и абсолютно-достоверного знания (Ж. Делез, Ж. Деррида, Лиотар).</p> <p>5. Наиболее экономной, убедительной, интересной и запоминающейся для человека формой организации любого текста (как письменного, так устного, особенно большого объема) является story (рассказ). Организация знания по принципу story имеет следующую структуру:</p> <ul style="list-style-type: none"> • сюжет; • действующие лица story, его субъекты (или как бы субъекты); • завязка (исходный пункт сюжета, его отправная точка, начало, в науке это может быть формулировка проблемы); • середина story (кульминационная точка разворачивания содержания сюжета); • развязка сюжета (его финал), в науке это может
--	--	---

		<p>быть формулировка решения поставленной проблемы;</p> <ul style="list-style-type: none"> • общие выводы или поучения, которые можно сделать на основе анализа story. <p>Организация знания по принципу story уходит в глубокую древность, во времена возникновения у людей устной и письменной речи как средств передачи информации и запоминания ее. Однако эта форма по-прежнему является универсальной и достаточно эффективной для всех видов дискурса, включая научное знание, особенно в социальных и гуманитарных науках, и реже – в естествознании. Исключения составляют лишь классическая математика и логика, где содержание научных теорий излагается дедуктивным методом, на основе его логического выведения из небольшого количества аксиом, принятых в качестве истинных.</p> <p>6. Приоритетным типом объектов современной постнеклассической науки стали сложные природно-социальные системы, включающие в себя человека, поэтому полное описание свойств, отношений и закономерностей такого рода систем требует значительного объема знаний о человеке: не только как о рефлексирующем, но и как способном к рациональному целеполаганию, к активным действиям с природной частью системы (в плане достижения максимальной адаптации в ней и ее кардинального изменения для достижения своих целей). Очевидно, что важнейшая составляющая знания и описания человеко-размерных систем – ценностный, а также диалогический компонент взаимодействия человека и природы как двух главных частей такого рода систем (В.С. Степин). Данное взаимодействие будет происходить на основе учета прямых и обратных связей между ними, причем с учетом каждой из сторон. Общая методология описания такого рода систем пока не разработана. Важный вклад в создание описания закономерностей функционирования любого рода рефлексивных систем, как органических, так и неорганических, внесли кибернетика, общая теория систем, теория управления, физиология, психология (в том числе инженерная). Не менее важный вклад в методологию исследования и описания человеко-размерных объектов внесли и гуманитарные науки: языкознание, лингвистика, этика науки, социология науки, теория коммуникаций, аксиология, лингвистическая философия, постструктурализм.</p> <p>7. Жесткий методологический ригоризм (и нормативные модели классической и неклассической методологии науки, в том числе логического позитивизма) неприемлем в реальном научном познании, потому что методологическая (особенно логическая) составляющая является только одним из компонентов познавательной деятельности ученых. Другими столь же важными, кроме эмпирического опыта и логики, компонентами научного познания являются продуктивное воображение, воля</p>
--	--	--

		<p>ученого и многочисленные научные конвенции. Продуктивное воображение основано на свободе сознания и мышления, являющихся их родовыми свойствами. Глубина продуктивного воображения ученого во многом определяет его творческий потенциал и инновационный характер результатов научных исследований. Воля ученого – это его способность к принятию когнитивных решений в отношении тех единиц знания, для которых не существует достаточных причин их абсолютной определенности и обоснованности. Таких недоопределенных опытом и логикой единиц знания в реальной науке существует огромное количество. И только воля ученого способна положить конец всегда логически возможной ситуации регресса в бесконечность, а также требованиям дальнейшего эмпирического, теоретического или логического обоснования любых единиц научного знания. Конечно, проявления воли ученого – всегда риск, ибо не всякие решения выдерживают проверку временем. Но они абсолютно необходимы для осуществления практической деятельности по управлению наукой и применению ее результатов, ибо такого рода деятельность невозможна без абсолютной уверенности в истинности знаний, лежащих в ее основе.</p> <p>Еще одним ограничителем ситуации регресса в бесконечность при обосновании научного знания является принятие учеными многочисленных научных конвенций в качестве истинных суждений, имеющих договорный характер, но принимаемых на основе коллективной воли научного сообщества. Такие конвенции являются разными по содержанию, но наиболее часто они применяются в следующих случаях: определение значения и смысла понятий и исходных положений науки, определение единиц и эталонов измерений, систем единиц измерения, выбор и фиксация конкретных систем отсчета, принятие определенной систем координат, принятие тех или иных логических правил вывода, выбор способа организации знания, формулировка идеалов и норм научного познания, определение критериев научности знания, его обоснованности, истинности и др. Таким образом, методология науки лишь частично регулирует познавательную деятельность в науке (А. Пуанкаре, Э. фон Глазерфельд, П. Фейерабенд).</p> <p>8. Научное знание развивается не только кумулятивно, добавляя к прежним истинам науки новые истины. В целом процесс эволюции научного знания является кумулятивно-некумулятивным, непрерывно-прерывным. Важнейшим индикатором прерывности эволюции системы научного знания являются наряду с локальными научными революциями, состоящими в замене прежних парадигмальных теорий на альтернативные им новые парадигмы в различных науках, также глобальные научные революции, состоящие в смене одних культурно-</p>
--	--	---

		<p>исторических типов другими, с новым пониманием целей науки и ее ценностных оснований. Процесс возникновения, протекания и завершения научных революций имеет ярко выраженный социальный характер (Т. Кун). Позиция профессионального сообщества как главного субъекта научных революций и ее лидеров будет в ходе этих процессов решающей. Однако было бы неверно считать, что научные революции происходят в процессе научного познания непрерывно в ходе постоянного выдвижения новых гипотез и моделей на всех уровнях научного познания в каждой из наук (К. Поппер).</p> <p>9. Сменяющиеся в ходе научных революций теории («парадигмы» – Т. Кун) логически несоизмеримы ни в теоретическом, ни в эмпирическом плане, поскольку все их понятия и высказывания, несмотря на общность терминологии, все же имеют разные смысл и значение благодаря противоположным принципам и аксиомам этих теорий (пространство, время и масса в классической физике и теории относительности, прямая, плоскость, пространство, геометрическая фигура в евклидовой и неевклидовой геометрии, дискретность и непрерывность энергии, пространства и времени в классической физике и квантовой механике и т. д.). Принцип соответствия (Н. Бор) как регулятор отношения между содержанием парадигмальных теорий не работает, поскольку новая фундаментальная теория не является обобщением прежней фундаментальной теории, а прежняя не является ни частным, ни предельным случаем новой, так как они логически не совместимы в своих основаниях. Через точку на плоскости можно провести только одну прямую, параллельную данной (геометрия Эвклида), либо бесконечное множество (геометрия Лобачевского). Пространственные размеры тел и интервалы времени в них никак не зависят от скорости их движения (классическая механика Ньютона) – пространственные и временные свойства тел изменяются во время движения тел и зависят от скорости движения (релятивистская механика Эйнштейна). Любая энергия – это непрерывная реальность (классическая физика), любая энергия – это дискретная реальность (квантовая механика) и т. д. Принятие новой парадигмальной теории в качестве истинной неизбежно и с логической точки зрения означает признание прежней теории неистинной, поскольку в силу наличия логического противоречия между ними они обе не могут считаться истинными. При этом и та, и другая могут быть успешными при своем практическом применении к определенным группам объектов. Но это означает только одно: успешную практическую применимость той или иной научной теории нельзя отождествлять с ее истинностью. Это – разные гносеологические характеристики научного знания. Как свидетельствует история науки, решение о признании истинности той или</p>
--	--	---

		<p>иной фундаментальной теории всегда имеет консенсуально-экспертный характер (М. Планк).</p> <p>10. Не существует ни универсального, ни чисто рационального (методологического) критерия истинности научного знания. Для разных областей науки, разных уровней, единиц и видов научного знания существуют разные (свои) критерии их истинности. Плюрализм структуры научного знания, его качественное многообразие естественным образом дополняется методологическим плюрализмом получения и обоснования различных единиц научного знания, а также плюрализмом критериев их истинности. Для каждого историка и философа науки вполне очевидно, что критерии истинности математического, естественнонаучного, социально-гуманитарного и технического знания существенно различаются. Такое же различие критериев истинности имеет место и для разных уровней научного знания (чувственного, эмпирического, теоретического и метатеоретического). Отличаются друг от друга и критерии истинности разных видов научного знания (исходного и выводного, аналитического и синтетического, априорного и апостериорного, интуитивного и дискурсного, явного и неявного, фундаментального и прикладного). Для всего многообразия критериев истинности научного знания общим является только наличие у них двух особенностей: многокомпонентной структуры каждого из критериев и консенсуальная составляющая этой структуры. Необходимое следствие – осознание и признание в постнеклассической методологии науки консенсуальной природы научной истины.</p> <p>11. Фиксация плюралистической структуры научного знания, методов его получения и обоснования и критериев истинности отнюдь не означает признание справедливости анархистской концепции методологии научного познания (П. Фейерабенд) и ее главного принципа <i>go anything</i> как адекватных реальной познавательной практике в науке. Дело в том, что плюрализм научного знания и его методов имеет не аддитивный, а системный характер. Это означает не только признание того, что все элементы научного знания и их методы взаимосвязаны и тем самым ограничивают друг друга, но и того, что сама наука как целое не существует отдельно от общества и культуры, испытывая с их стороны значительное влияние и ограничения. Эти ограничения касаются в основном понимания смысла, предназначения, целей науки и главного вектора ее развития.</p> <p>Предмет изучения – сложные саморазвивающиеся системы.</p> <p>Характерной чертой научного знания становится междисциплинарность: науки «взаимопроникают» друг друга; на этой основе формируется единая общенаучная картина мира. Интеграция картин мира, развитие и</p>
--	--	---

		<p>становление общенаучной (единой) картины мира.</p> <p>Сложные самоорганизующиеся системы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – объект в постоянном развитии как процесс, воспроизводящий устойчивые состояния; – уникальность объектов; – нелинейный характер процессов в системах; – «память о прошлом»; – исторически развивающиеся системы; – человекоразмерные объекты и т.п. <p>Соотношение – субъекта (С), объекта (О) и средств познания (приборы, устройства, операции) (Ср) для получения объективного знания: объект в связи со средствами и операциями познавательной деятельности и ценностными структурами этой деятельности. Учет истории объекта и субъекта (С→Ср→О). Субъект внутри изучаемого мира, им детерминирован. Сложное воздействие средств на объект.</p> <p>Научная теория, выполняющая роль парадигмы и задающая идеалы и нормы научности: неравновесная термодинамика, обобщенная до синергетики и находящая в таком виде широкие приложения.</p> <p>Постнеклассический этап – на данном этапе происходит соотнесение знаний науки с имеющимися средствами познания и ценностными структурами деятельности.</p> <p>Соотношение знания с реальностью: содержание знания полностью зависит от субъективной стороны познающего.</p>
--	--	---

4. Спор сциентизма и антисциентизма. Обоснование собственной позиции

С развитием науки и возрастающим влиянием ее на общественную деятельность возникло две противоположные идеологии: сциентизм и антисциентизм.

Представители сциентизма считают, что наука имеет безграничные возможности, что именно наука способна решить абсолютно любые проблемы и задачи, возникающие перед обществом. Представители сциентизма приветствуют развитие науки, внедрение результатов науки и техники в повседневную жизнь. Наука, по мнению представителей сциентизма, имеет безграничные возможности.

Таким образом, сциентизм – это мировоззренческая идеология, согласно которой научное знание является высшей культурной ценностью, а математические и естественные науки – идеал научного знания.

Сциентизм появился в XIX в. Представители сциентизма выдвигают несколько принципов научного познания.

1. Принцип верификации – доказательство, удостоверение в истинности.

2. Принцип конвенционализма – исходные определения и аксиомы согласно данному принципу рассматриваются как условные соглашения.

3. Принцип физикализма – согласно этому принципу, предложения, употребляемые в различных науках, должны быть переведены на язык физики, то есть речь идет об унификации языка всех наук на базе языка математической физики.

Исходя из этих принципов, в качестве эталона научности рассматривается физико-математическое знание.

Можно определить основные принципы сциентистской идеологии.

1. Наука является величайшей культурной ценностью.
2. Наука является производительной силой общества.
3. Наука является ядром всех сфер жизни, без науки невозможно достичь того, чтобы жизнь стала управляемой, успешной и организованной.
4. Сциентисты закрывают глаза на те проблемы, которые возникли в процессе технократизации, не замечают ее негативные моменты.

Самыми яркими представителями сциентизма являются О. Конт, Дж. С. Милль, Э. Мах, Р. Авенариус, Г. Спенсер, Г.Н. Вырубов, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и др.

Антисциентизм является противоположной точкой зрения. Представители антисциентизма считают, что наука враждебна по отношению к человечеству, последствия научно-технического прогресса, по мнению антисциентистов, имеют отрицательное воздействие, а наука в решении социально-экономических проблем бессильна.

Таким образом, антисциентизм – это мировоззренческая идеология, которая подвергает критике науку и как социальный институт, и как форму познания мира.

Антисциентизм, так же, как и сциентизм, возник в конце 19 в. Если ранний антисциентизм возник на основе ненаучных форм познания – таких, как религия, нравственность, то для современного антисциентизма характерно критическое самопознание самой науки.

Основными принципами антисциентизма являются следующие: предубежденность против результатов научно-инновационной деятельности; критическое отношение к самой науке; наука не способна принести пользу всем людям, наоборот, с развитием науки человечество не только не стало жить лучше, а наоборот, возникли новые опасности, источником которых является наука; научное знание не всегда означает истинное знание; развитие науки приведет к катастрофическим последствиям для человечества; крайний антисциентизм не только выступает против научно-технического прогресса, против внедрения результатов научно-исследовательской деятельности в повседневную жизнь. Сторонники крайнего антисциентизма призывают затормозить развитие науки, ограничить его. И в этом случае возникает проблема обеспечения потребностей человека и общества, даже самых элементарных. Человек привык жить в комфорте и пользоваться теми благами, которые предоставляет ему научно-технический прогресс, современный человек не мыслит своего существования без привычных технологий и приспособлений. И именно в процессе научного познания, в процессе научно-теоретической деятельности закладывается будущее развитие человечества, появляются проекты, способные в будущем вывести человечество на новую ступень развития. Представителями антисциентизма были Г. Маркузе, М. Полани. Б. Рассел и др.

Сциентизм и антисциентизм представляют собой две остро конфликтующие ориентации в современном мире, и сторонники этих направлений приводят достаточно весомые аргументы в пользу как одной, так и другой точки зрения.

Дилемма сциентизм – антисциентизм предстает извечной проблемой социального и культурного выбора. Она отражает противоречивый характер

общественного развития, в котором научно-технический прогресс оказывается реальностью, а его негативные последствия не только отражаются болезненными явлениями в культуре, но и уравниваются высшими достижениями в сфере духовности. Примечательно и то, что антисциентизм автоматически перетекает в антитехнологизм, а аргументы антисциентистского характера с легкостью можно получить и в сугубо научной (сциентистской) проблематике, вскрывающей трудности и преграды научного исследования, обнажающей нескончаемые споры и несовершенство науки.

И сциентизм, и антисциентизм носят универсальный характер. С ними можно встретиться в любой сфере деятельности: и в политике, и в праве, и в сфере образования и воспитания, и в сфере здравоохранения, и в сфере морально-эстетического знания. И невозможно рассматривать научное познание, только лишь основываясь на принципах одного из идеологий. Невозможно отрицать влияние науки на развитие человечества, невозможно представить современное общество без результатов технического процесса, однако, вместе с тем следует отметить и опасное влияние науки на человечество. Научный прогресс дал человечеству много полезного, однако он же приблизил к техногенной катастрофе.

Итак, по моему мнению, современное общество, современная жизнь людей не может обойтись без достижений науки и техники, и тем более, человечество не может позволить себе затормозить научно-технический прогресс и развитие науки. Во-первых, потому что даже в случае принятия аргументов антисциентистов о возможном уничтожении человечества из-за развития науки, на современном этапе развития общества уже функционируют эти достижения, уже нанесен урон как и обществу, так и природе. И просто убрав проблему, последствия деятельности людей не уйдут. Продукты научно-технического прогресса останутся и будут еще больше угрожать человечеству, так как без развития научного знания, без образованных и компетентных людей, вопросы утилизации, безопасности и

восстановления не будут подниматься на должном уровне. Во-вторых, в силу того, что занятие научной деятельностью способствует развитию интеллектуальных способностей, реализации творческого потенциала людей, происходит продуцирование нового знания, наука участвует в формировании уровня культуры общества. Мне близка позиция сциентизма в градации умеренного отношения, однако на современном этапе развития науки эталон научного знания не сводится к физико-математическому знанию, как у представителей позитивизма и этапа классической механистической научной картины мира, и с этим принципом для гуманитарного знания я не согласна. Сегодня предметом изучения науки являются сложные саморазвивающиеся системы, природно-социальные объекты и человеко-размерные системы, в которых человек и его деятельность являются одним из элементов, при этом в качестве методологии используется, например, герменевтика. Плюрализм структуры научного знания, его качественное многообразие естественным образом дополняется методологическим плюрализмом получения и обоснования различных единиц научного знания, а также плюрализмом критериев их истинности. Плюрализм научного знания и его методов имеет системный характер, сама наука как целое не существует отдельно от общества и культуры, испытывая с их стороны значительное влияние и ограничения. Эти ограничения касаются в основном понимания смысла, предназначения, целей науки и главного вектора ее развития. И основная проблема негативных последствий сциентизма сводится к ответственности человека соблюдать нормы научного этоса, а также их дополнение и переосмысление, без отказа от науки. Необходима экстраполяция возможных негативных последствий науки, для их своевременного решения и адаптации человека под стремительно меняющиеся условия, и помочь в этом также могут сами достижения научно-технического прогресса, например, компьютерные модели.

Модульная №2 Основные концепции философии науки

Вариант 1

1. Начало философии науки (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль)

Позитивизм возникает в 30-40-х гг. XIX в. во Франции. Родоначальником этого философского течения является Огюст Конт (1798-1857). Идеи Конта заимствовали и развивали в Англии Герберт Спенсер и Джон Стюарт Милль. Это первая волна позитивизма.

В позитивизме превращение науки в фундаментальную ценность цивилизации было истолковано в духе абсолютной автономии науки, ее независимости от влияния других областей культуры. При таком подходе взаимодействие науки и этих областей (философии, искусства, морали и т. д.) стало рассматриваться только в одном аспекте – как одностороннее влияние на них науки. Собственно, в этом и состоял замысел построения позитивной философии, которая должна была стать особой сферой конкретно-научного знания. Позитивизм стремился создать методологию науки, которая выявила бы законы развития научного знания.

Главная философская работа Конта – это шеститомный труд «Курс позитивной философии» (1830–1854). Опираясь на идеи своего учителя Сен-Симона, Конт предпринимает попытку радикальной реформы философии и науки. Стержнем его системы явился закон трех стадий развития общества и человека, у позитивной философии конкретно-исторический характер. Первая стадия – теологическая (религиозная). Здесь человек склонен все объяснять действием сверхъестественных сил: богов, духов, демонов. Фиктивное состояние человеческого духа, которое объясняет природу воздействием многочисленных сверхъестественных факторов. Вторая стадия – метафизическая (философская). Мир объясняется на основе абстрактных идей. Абстрактное состояние, в котором сверхъестественные факторы заменены абстрактными силами, настоящими сущностями, при помощи которых объясняются все наблюдаемые явления. И третья, высшая стадия

развития общества, – позитивная (научная). Только здесь человек получает достоверное, проверяемое знание о мире, в основе которого лежит позитивный метод, т.е. чисто эмпирическое научное исследование. Положительное состояние человека, в котором он стремится к тому, чтобы, правильно комбинируя рассуждения с наблюдениями и экспериментами, познать действительные законы явлений.

Согласно закону трех стадий, все науки и все общества неизбежно завершают свою эволюцию на позитивной стадии. Именно на третьей стадии формируется истинная, т. е. позитивная наука, цель которой – познание не фактов (они составляют для нее лишь необходимый сырой материал), а законов. Существование неизменных естественных законов – условие существования науки; их познание с целью рационального предвидения – ее предназначение.

В XIX в., полагал Конт, человечество подошло к третьей стадии развития. Значит, настало время отказаться от философской метафизики с ее абстракциями и умозрениями. Новое мировоззрение, согласно Конту, должно опираться на закон подчинения воображения наблюдению и «правильную» классификацию наук (по степени уменьшения абстрактности): математика – астрономия – физика – химия – биология – социология. Каждая из перечисленных наук представляет собой своего рода ступень по отношению к последующей. Каждая из них заимствует у предыдущей ее методы и добавляет к ним еще свои собственные, обусловленный спецификой изучаемого объекта. Математика, с его точки зрения, меньше всего зависит от других наук, является наиболее абстрактной, простой и отдаленной от практики и поэтому возникла раньше всех других форм научного познания. Социология, напротив – непосредственно связана с практикой, сложна, конкретна, возникла позже других, так как опирается на их достижения.

Теология и метафизика не попадают в классификацию, ибо не являются позитивными, а этика – потому, что находит свое разрешение в социологии. Психология частично входит в биологию, а частично в

социологию. Преподавать науки следует в том же порядке, который указывает Конт, поскольку более сложные науки основаны на менее сложных. При этом высшие науки не редуцируются к низшим (например, социология не сводится ни к биологии, ни к психологии).

Философия не является совокупностью наук; ее задача состоит в точном определении «духа» каждой из них и в суммировании их принципов в соответствии с «позитивным методом». Таким образом, философия выступает в роли общей методологии наук.

По мнению Огюста Конта, метафизика (учение о сущности явлений) должна уступить место позитивной философии. Позитивной философией французский мыслитель называл совокупность общих научных положений всего обширного положительного естественнонаучного и социального материала. Именно поэтому философию Конта называли позитивной, т. е. положительной.

О. Конт определил особенности научного метода: а) эмпиризм (считал чувственный опыт единственным источником достоверного знания); б) позитивизм (исследовать только факты и законы, но не сущности), в) физикализм (ориентация на естественнонаучную методологию).

Также О. Конт заложил основы социологии как высшей науки.

Главная особенность позитивной философии состоит в признании всех явлений подчиненными естественным неизменным законам.

Основными чертами позитивной философии Конт считал то, что она не оторвана от жизни, опирается на конкретные факты и обобщения частных наук и является результатом их схождения.

Огюст Конт выделил четыре основных свойства философии: изучение положительной философии – единственное правильное средство обнаружить логические законы человеческого ума; положительная философия играет важную роль во всеобщем преобразовании системы воспитания и образования; исследование общих положительных наук способствует прогрессу отдельных положительных наук; положительную философию

следует считать прочной основой общественного преобразования.

Под влиянием идей Конта формируется позитивизм английского философа и экономиста Джона Стюарта Милля. Его главная книга – двухтомная «Система логики» (1843) продолжает линию классического английского эмпиризма.

Центральная проблема в философии Милля – это соотношение материи и сознания. Дуализм субстанций Декарта он не принимает, более того, ставит под сомнение субстанциальную основу явлений. Материя у него лишь «постоянная возможность ощущений». А сознание – предрасположенность испытывать ощущения (переживания).

Основу научного метода Милля составляет индукция. Знания возникают из опыта, а опыт основан на ощущениях. Однако им допускается использование наукой и дедуктивной методологии.

Милль явился идейным предшественником аналитической философии XX в. Развивал семантическую теорию (теория значений лексических единиц), в основе которой находилось разграничение коннотации и денотации имен. В первом случае имена обозначают предмет и косвенно его свойства (например, человек). Во втором – имена обозначают только предмет или его свойства (например, Россия или глубина). Милль придает большое значение научному языку и стремится к его логическому совершенствованию, в частности полагает, что нужно избавляться от многозначности слов. Сама идея такого подхода сомнительна. Вместо решения реальных философских проблем здесь предлагается решать проблемы языка. Одно неправомерно подменяется другим.

В отличие от проблем языка, социальные идеи Джона Милля оказались намного более прогрессивными. Он отстаивает свободу индивида – свободу мысли, религии, вкусов, собраний. Свобода каждого – для процветания всех. Выступает за политические и социальные права женщин. Одним словом, Милль вслед за другими европейскими мыслителями развивает концепцию либерального общества.

Научное знание есть учение о законах и причинах, постигаемых на основе индуктивного метода.

Законами природы Милль называет некоторые регулярности, единообразия, подмеченные при исследовании единичных фактов. Законы являются результатом обобщения такого рода фактов и служат для их объяснения и предсказания. Тем не менее, сами законы знанием не являются. В конечном итоге знанием в концепции Милля признается только знание о единичных, конкретных фактах или такое, которое получено с помощью индуктивных умозаключений. Таким образом, развитие научного знания сводится к последовательному накоплению знаний о единичных, частных фактах. Общие утверждения, получаемые в результате индукции, играют полезную роль в науке, но эта роль является чисто инструментальной: общие утверждения помогают сохранить знание о множестве конкретных фактов. Узелок, завязанный на память, – вот что такое общие утверждения.

Английский социолог и философ Герберт Спенсер предпринимает попытку создать целостное философское учение, которое, по его замыслу, должно было обобщить результаты достижений естественных и социальных наук.

Главное философское произведение Спенсера называется «Основные начала» (1862). Оно состоит из двух частей: учения о Непознаваемом и учения о Познаваемом. Здесь просматривается некоторое влияние Канта, отделявшего непознаваемый рассудком мир ноуменов от доступного изучению мира феноменов. Спенсер принимает и развивает эту мысль немецкого философа.

Природные феномены, воспринимаемые человеком, по Спенсеру, проявляются из сферы Непознаваемого – высшей сферы бытия, недоступной интеллекту. Материя, движение и сила служат лишь символами неведомого реального, неизвестной изначальной универсальной силы Непознаваемого. Наука и религия, по мнению ученого, не должны противопоставляться друг другу, ведь и та и другая приводят человека к одной и той же идее

Непознаваемого или «первоначальной причины».

Универсальный закон взаимосвязи материи и движения, выводимый из убеждения в существовании абсолютной силы, – это закон космической эволюции. Она направлена на достижение полного равновесия разнородных сил. Здесь Спенсер опирается на идеи ученых-эволюционистов – Карла Бэра, Чарльза Лайеля и Чарльза Дарвина.

В гносеологии Спенсер пытался согласовать эмпиризм и принцип априорности предпосылок всякого знания. Априорное знание для личности, убежден он, апостериорно для всего человеческого рода.

Герберт Спенсер приблизил науку к здравому смыслу среднего человека. Для Спенсера наука – это вообще всякое знание. Невозможно нигде провести линию разграничения и сказать: «Здесь начинается наука». Знание – это прежде всего и главным образом знание о порядке, о закономерной связи явлений. Здравый смысл вполне способен дать и дает такое знание, наука в этом отношении идет лишь немного дальше, поэтому она «...может быть названа расширением восприятий путем умозаключения».

Весь мир, с точки зрения Спенсера, развивается эволюционно. Всякая система – физическая, биологическая, социальная – в начале своего существования находится в некотором неравновесном состоянии. Это состояние порождает либо разложение, либо процесс эволюции. Эволюция заключается в переходе от простого к сложному, в котором первоначальное нерасчлененное единство сменяется дифференциацией. Конечным пунктом эволюции является интегрированная устойчивая целостность.

Общая схема эволюции используется Спенсером и для истолкования развития науки.

А) Здесь также на первой ступени существует нерасчлененная целостность.

Б) Однако установление законов в тех или иных конкретных областях приводит к дифференциации наук, следовательно, к усложнению первоначального простого состояния.

В) Последующее взаимодействие наук, установление все более общих законов и принципов, под которые подводятся менее общие законы и принципы, ведет к интеграции наук и восстановлению единства науки.

Спенсер говорит о вполне мирном сосуществовании науки и религии, а также в определенном смысле он и саму науку отождествляет с религией.

Относительно философии как таковой Спенсер занимает более мягкую позицию, нежели Конт. Тем не менее, отличие философии от частных наук им понимается количественно. Он полагает, что она имеет только более высокую степень обобщения знаний, но не содержит никакой качественной специфики.

Учение Герберта Спенсера в XIX в. в научном мире пользовалось большой известностью. В начале XX в. внимание к нему ослабевает. Но оно все же оказало влияние на эмпириокритицизм и неопозитивизм.

2. Венский кружок о демаркации науки. Язык и познание в философии Л.Витгенштейна

Венский кружок – группа, явившаяся идейным и организационным ядром движения логического позитивизма. Венский кружок возник на основе семинара, организованного в 1922 г. М. Шлыкком при кафедре философии индуктивных наук Венского университета. Венский кружок объединил ряд молодых ученых, гл. о. представителей точных наук, интересовавшихся вопросами философии науки и скептически относившихся к возможностям традиционной философии в исследовании этой проблематики. Выдвигавшаяся ими программа развития «научной философии» получила, однако, узкосциентистскую и позитивистскую направленность. В Венский кружок входили: Р.Карнап (с 1926), Ф.Вайсман, Г.Фейгль, О.Нейрат, Г. Ган, В.Крафт, Ф.Кауфман, К.Гедель и др. С Венским кружком сотрудничали Ф.Франк (Чехословакия), Э.Кайла (Финляндия), А.Бламберг, Э.Найгель (США), Й.Йоргенсен (Дания), А.Айер (Великобритания) и др.

На формирование идейных установок Венского кружка значительное воздействие оказал махизм, пользовавшийся большим влиянием в Венском

университете, с его эмпиризмом и негативным отношением к традиционной «метафизике»

Философско-методологическая концепция Венского кружка получила наименование «логический позитивизм» или «неопозитивизм», поскольку его члены вдохновлялись как позитивистскими идеями О. Конта и Э. Маха, так и достижениями символической логики, разработанной Г. Фреге, Б. Расселом и А. Н. Уайтхедом, причем в логике неопозитивисты увидели тот инструмент, который должен был стать основным средством методологического анализа науки.

Фундаментальные идеи своей концепции неопозитивисты заимствовали из «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, который в ранний период своего творчества онтологизировал структуру языка той логической системы, которая была создана Г. Фреге, Б. Расселом и А. Н. Уайтхедом. Витгенштейн полагал, что поскольку язык логики состоит из простых, или атомарных, предложений, которые с помощью логических связок могут соединяться в сложные, молекулярные, предложения, то и реальность состоит из атомарных фактов, которые могут объединяться в молекулярные факты. Атомарные факты причинно никак не связаны друг с другом, поэтому в мире нет никаких закономерных связей.

Поскольку действительность представляет собой лишь различные комбинации элементов одного уровня – фактов, постольку и наука должна быть не более чем комбинацией предложений, отображающих факты и их различные сочетания. Все, что претендует на выход за пределы этого «одномерного» мира фактов, все, что апеллирует к причинным связям фактов или к глубинным сущностям, изгоняется из науки. Конечно, в языке науки очень много предложений, которые непосредственно как будто не отображают фактов. Но это обусловлено тем, что используемый в науке естественный язык – будь то немецкий, английский или какой-нибудь еще – искажает мысли. Поэтому в языке науки, как и в повседневном языке, так много бессмысленных предложений – предложений, которые действительно

не говорят о фактах. Для выявления и отбрасывания таких бессмысленных предложений требуется логический анализ языка науки. Такой анализ и должен стать главным делом философов.

Эти идеи Витгенштейна были подхвачены и переработаны членами Венского кружка, которые заменили его онтологию следующими теоретико-познавательными принципами.

1. Всякое знание – это знание о том, что дано человеку в чувственном восприятии. Атомарные факты Витгенштейна логические позитивисты заменили чувственными восприятиями субъекта и комбинациями этих чувственных восприятий. Как и атомарные факты, отдельные чувственные восприятия не связаны между собой. У Витгенштейна мир – это калейдоскоп фактов, а у логических позитивистов мир оказывается калейдоскопом чувственных восприятий. Вне чувственных восприятий нет никакой реальности, во всяком случае ученые ничего не могут сказать о ней. Таким образом, всякое знание может относиться только к чувственным восприятиям.

2. То, что дано в чувственном восприятии, мы можем знать с абсолютной достоверностью. Структура предложений у Витгенштейна совпадала со структурой факта, поэтому истинное предложение было абсолютно истинным, поскольку оно не только верно описывало некоторое положение дел, но и в своей структуре «показывало» структуру этого положения дел. Поэтому истинное предложение не могло быть ни изменено, ни отброшено. Логические позитивисты заменили атомарные предложения Витгенштейна протокольными предложениями, выражающими чувственные восприятия субъекта. Истинность протокольного предложения, выражающего то или иное восприятие, для субъекта также является несомненной.

3. Все функции знания сводятся к описанию чувственных данных. Если мир представляет собой комбинацию чувственных данных и знание может относиться только к чувственным данным, то оно сводится лишь к фиксации

этих данных. Объяснение и предсказание исчезают. Объяснить чувственные данные можно было бы, только апеллируя к их источнику – внешнему миру. Логические позитивисты отказываются и от объяснения. Предсказание должно опираться на существенные связи явлений, на знание причин, управляющих их возникновением и исчезновением. Логические позитивисты отвергают существование таких связей и причин. Таким образом, остается только описание явлений, поиски ответов на вопрос «как?», а не «почему?».

Опираясь на «Логико-философский трактат» Витгенштейна, представители «Венского кружка» (неопозитивисты) предложили в качестве своей программы: радикальную критику традиционной метафизики на основе принципов эмпиризма, позитивизма и логического анализа; разработку структуры научного знания, опираясь на положение о базисном характере эмпирического исследования; проведение демаркации между научным и ненаучным знанием, выдвинув в качестве основного критерия такого разграничения редукционистскую схему (сведение сложных высказываний к простым) и верифицируемость (чувственно-эмпирическую разрешимость) научных высказываний.

Логические позитивисты либо отрицают существование мира вне чувственных впечатлений, либо считают, что о нем ничего нельзя сказать. За философией сохраняется одна задача – это анализ научных высказываний.

Можно предположить, что протокольное предложение должно было выглядеть примерно так: «Я сейчас вижу круглое и зеленое».

Однако, как показывает нехитрый анализ, используемые в примере слова «круглый» и «зеленый» (а вместе с ними и многие другие, употребляемые в простейших предложениях слова) относятся не только к сиюминутному индивидуальному ощущению, но, по сути дела, – к бесконечному классу ощущений как индивидуальных, так и коллективных. Они выражают то, что является общим для ощущений этого класса и представляют собой универсалии. Кроме того, эти слова являются понятиями, которые связаны с другими понятиями и подчиняются

определенным законам языка. Таким образом, сохранить в языке «чистое» чувственное переживание невозможно, не добавляя к нему рационального, абстрактного элемента. Пытаясь преодолеть сложности, связанные проблемой чувственной разрешимости эмпирического базиса науки логические позитивисты вынуждены были дополнить феноменалистскую установку (признание безусловной достоверности чувственно данного) разработками intersubъективных схем построения научного знания (физикализм, наблюдаемость и др.), которые означали неустранимость теоретического конструирования на уровне эмпирического исследования.

Модель науки, разрабатываемая неопозитивизмом, предполагала проведение строгой демаркации между научным знанием и другими формами духовной деятельности – философией, религией, искусством и др. В качестве критерия демаркации был избран принцип верифицируемости: предложение научно только в том случае, если оно сводимо к протокольным предложениям, и его истинность устанавливается наблюдением; если же сведение к протоколу невозможно (предложение неверифицируемо) – оно лежит вне науки. Верифицируемость является не только критерием демаркации, но и критерием осмысленности: только верифицируемые предложения имеют смысл, неверифицируемые предложения бессмысленны. В частности, предложения философии неверифицируемы, следовательно, они не только лежат вне науки, но и просто бессмысленны.

Однако, верифицируемость как критерий демаркации и осмысленности в силу своей радикальной «жесткости» не только отсекал философию, но и плодотворную часть науки – ее концептуальные построения, теоретические положения, законы, поскольку они, как правило, относятся не к чувственно воспринимаемым, а к идеализированным объектам. Большая часть научных положений, законов имеет форму общих предложений, например: «Все тела при нагревании расширяются». Для верификации подобных предложений требуется бесконечно большое число частных предложений: «Тело А при нагревании расширяется», «Тело В при нагревании расширяется» и т.д. Но

процедура построения и проверки бесконечного множества протокольных предложений невозможна. Получалось, что законы науки неverifiedируются и должны быть объявлены бессмысленными. Это обстоятельство заставило неопозитивистов искать другие, более «мягкие» варианты демаркационного критерия, например: частичной верифицируемости, логической возможности верифицируемости и др. В этом случае четкость критерия размывалась. Становилось очевидным, что попытки провести абсолютную границу между научным и вненаучным знанием не реалистичны.

Сложности, возникшие на пути решения как проблемы построения эмпирического языка науки, обеспечивающего безусловную достоверность ее эмпирического базиса, так и проблемы демаркации между наукой и другими формами духовной деятельности на основе принципа верификации поставили под сомнение плодотворность предложенной «Венским кружком» модели науки. Кроме того, реальная практика научной деятельности не вписывалась в жесткие схемы логического анализа неопозитивистов. Вместе с тем, следует признать, что неопозитивизм внес существенный вклад в разработку логических методов анализа науки, поставил проблему разграничения научного и вненаучного знания, стимулировал становление философии науки как самостоятельной дисциплины философского знания.

Такова модель науки, предлагаемая логическим позитивизмом. Итак, в основе науки, по мнению неопозитивистов, лежат протокольные предложения, выражающие чувственные данные субъекта. Истинность этих предложений абсолютно достоверна и несомненна. Совокупность истинных протокольных предложений образует эмпирический уровень научного знания – его твердый базис.

Для методологической концепции логического позитивизма характерно резкое разграничение эмпирического и теоретического уровней знания.

С точки зрения логического позитивизма деятельность ученого в основном должна сводиться к двум процедурам: установлению протокольных предложений; изобретению способов объединения и

обобщения этих предложений.

Научная теория мыслилась в форме пирамиды, на вершине которой находятся основные понятия, определения и постулаты; ниже располагаются предложения, логически выводимые из постулатов; вся пирамида опирается на совокупность протокольных предложений, обобщением которых она является. Прогресс науки выражается в построении таких пирамид и в последующем слиянии теорий, построенных в некоторой конкретной области науки, в более общие теории, которые, в свою очередь, объединяются в еще более общие и так далее, до тех пор, пока все научные теории и области не сольются в одну громадную систему – единую унифицированную науку. В этой примитивно-накопительной модели развития не происходит никаких потерь или отступлений: каждое установленное протокольное предложение навечно ложится в фундамент науки; если некоторое предложение обосновано с помощью протокольных предложений, то оно прочно занимает свое место в пирамиде научного знания.

Первоначально модель науки и научного прогресса, построенная логическими позитивистами, была настолько искусственной и примитивной, настолько далекой от реальной науки и ее истории, что это бросалось в глаза даже самим ее создателям. Они предприняли попытки усовершенствовать эту модель, чтобы приблизить ее к реальной науке. В ходе этих попыток им пришлось постепенно отказываться от своих первоначальных установок. Однако, несмотря на все изменения и усовершенствования, модель науки логического позитивизма постоянно сохраняла некоторые особенности, обусловленные первоначальной наивной схемой. Это прежде всего выделение в научном знании некоторой твердой эмпирической основы; резкое противопоставление эмпирического и теоретического уровней знания; отрицательное отношение к философии и всему тому, что выходит за пределы эмпирического знания; абсолютизация логических методов анализа и построения научного знания; ориентация в истолковании природы научного знания на математические дисциплины и т.п.

Попытки устранить пороки методологической концепции, преодолеть трудности, обусловленные ошибочными теоретико-познавательными предпосылками, поглощали все внимание логических позитивистов, и они, в сущности, так и не дошли до реальной науки и ее методологических проблем. Правда, методологические конструкции неопозитивизма никогда и не рассматривались как отображение реальных научных теорий и познавательных процедур. В них скорее видели идеал, к которому должна стремиться наука. В последующем развитии философии науки по мере ослабления жестких методологических стандартов, норм и разграничительных линий происходит постепенный поворот от логики к истории науки. Методологические концепции начинают сравнивать не с логическими системами, а с реальными историческими процессами развития научного знания. По мере того как на формирование методологических концепций начинает оказывать влияние история науки, изменяется и проблематика философии науки. Анализ языка и статичных структур отходит на второй план.

Важную роль в этом повороте сыграл К. Поппер. И хотя сам он провел молодые годы в Вене и первоначально был весьма близок к членам Венского кружка, как по стилю мышления, так и по обсуждаемой проблематике, его критика ускорила разложение логического позитивизма, а его оригинальные идеи привели к возникновению новой методологической концепции и оформлению нового течения в философии науки.

3. Концепция научно-исследовательских программ в философии науки И. Лакатоса.

Очевидные недостатки фальсификационизма Поппера пытался преодолеть И. Лакатос в своей концепции исследовательских программ. При достаточной находчивости, полагает он, можно на протяжении длительного времени защищать любую теорию, даже если эта теория ложна. «Природа может крикнуть: «Нет!», но человеческая изобретательность всегда способна крикнуть ещё громче». Поэтому следует отказаться от попперовской модели,

в которой за выдвижением некоторой гипотезы следует её опровержение. Ни один эксперимент не является решающим и достаточным для опровержения теории. Вслед за Поппером, Лакатос полагает, что основой теории научной рациональности должен стать принцип критицизма. Этот принцип является универсальным; однако «рациональный критицизм» не должен сводиться к требованию беспощадной фальсификации. Аномалии не должны побуждать ученых расправляться со своими теориями; рациональное поведение исследователя – идти вперед, не цепenea от отдельных неудач, если это движение обещает новые успехи. Имре Лакатос – автор известных работ по методологии научного знания («Доказательства и опровержения», «Фальсификация и методология научно-исследовательских программ»).

У Лакатоса, сравниваются и оцениваются не две теории как у Поппера, а их серии, определяемые как исследовательская программа. Развитие науки – это «история рождения, жизни и гибели исследовательских программ».

В чем же суть концепции Лакатоса? «Картина научной игры, – пишет он, – которую предлагает методология исследовательских программ, весьма отлична от подобной картины методологического фальсификационизма. Исходным пунктом здесь является не установление фальсифицируемой гипотезы, а выдвижение исследовательской программы». Под последней понимается теория, способная защищать себя в ситуациях столкновения с противоречащими ей эмпирическими данными. В исследовательской программе Лакатос выделяет её неизменное ядро, т. е. основные принципы или законы (оно определяет лицо исследовательской программы), и меняющиеся «защитные пояса» – уровень конкретных теорий, которыми ядро окружает себя в случаях эмпирических затруднений (модель науки И. Лакатоса). Разные исследовательские программы имеют разные «жесткие ядра», т.е. между ними имеется взаимнооднозначное соответствие.

Появление этой модели обусловлено тем, что Лакатоса, с одной стороны, не удовлетворяет куновское «сведение философии науки к психологии науки».

С другой стороны, Лакатос поддерживает тезис Куна и Фейерабенда об отсутствии «решающих экспериментов» как критерия выбора между теориями.

«Решающие эксперименты» признаются таковыми лишь десятилетия спустя (задним числом), Статус «решающего эксперимента» зависит от характера теоретической конкуренции, в которую он вовлечен. Лакатос показывает это на примере эксперимента и ряде других. Ему близок и куновский тезис о том, что «отказ от какой-либо парадигмы без замены ее другой означает отказ от науки вообще».

Поэтому Лакатос ставит своей целью развить тезис попперовского «критического рационализма» о рациональности изменений научного знания, «выйти из-под обстрела куновской критики, и рассматривать научные революции как рационально конструируемый прогресс знания, а не как обращение в новую веру». Основной принцип Лакатоса – это соединение философии и истории науки. В связи с этим он формулирует важное положение: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» Для этого он разрабатывает свою методологию «исследовательских программ» (ИП).

Научно-исследовательская программа – это совокупность теорий, развивающихся на базе единых исследовательских и методологических принципов. Структурно включает в себя:

1. «Жесткое ядро» – фундаментальные принципы всех теорий программы, помогающие сохранять ее целостность.

2. «Защитный пояс» – вспомогательные гипотезы программы; он обеспечивает сохранность «жесткого ядра». Защитный пояс должен приспосабливаться и переделываться под давлением новых фактов.

3. Методологические принципы, определяющие перспективы применения данной программы – «положительная» и «отрицательная эвристика».

«Отрицательная эвристика» – это ограничение в форме правил,

позволяющих избегать ложных путей познания. «Отрицательная эвристика» определяет «твердое ядро» программы, считается «неопровержимым».

«Позитивная эвристика» – это набор правил, позволяющих модифицировать программу так, чтобы сохранить её или улучшить. «Позитивная эвристика» складывается из доводов более или менее ясных, и предположений более или менее вероятных, направленных на изменение и развитие исследовательской программы.

Эволюция конкретной программы происходит за счёт видоизменения и уточнения «предохранительного пояса», разрушение же «жёсткого ядра» означает отмену программы и замену её конкурирующей.

Главный критерий научности программы – это прирост знания. Пока программа даёт прирост знания (прогрессирующая программа), работа учёного в её рамках «рациональна». Когда программа теряет предсказательную силу и работает только на вспомогательные гипотезы, Лакатос предписывает отказаться от неё (регрессирующая программа).

В отличие от Куна, Лакатос предполагает, что периоды «нормальной науки», когда господствует одна исследовательская программа, крайне редки. И что куновская «парадигма» – это и есть исследовательская программа, временно захватившая монополию. Чаше бывают периоды, когда исследовательских программ много и они конкурируют друг с другом.

Но наука и не должна быть «нормальной», потому что чем быстрее начинается соперничество, тем лучше для прогресса.

Теория никогда не фальсифицируется, а замещается более лучшей.

Сила исследовательской программы определяется эвристической силой, которая обозначает способность программы теоретически предсказывать появление новых фактов.

Далее Лакатос выделяет два основных типа науки:

1. «Зрелая наука» – это тип науки, где идет конкуренция исследовательских программ. Она состоит из исследовательских программ, не только объясняющих неизвестные факты, но и предвосхищающих новые

теории. Только зрелая наука обладает «эвристической силой»;

2. «Незрелая наука» – это тип науки, где исследование осуществляется по образцу.

Смена основных научно-исследовательских программ – это научная революция. По мнению Лакатоса, произошло 3 научных революции, результатом которых стала последовательная смена индуктивизма, конвенционализма и методологии исследовательских программ.

Но это явление – редкое. Если какой-то эксперимент показывает, что программа не работает, то её требуется заменить. Но если через некоторое время, другой ученый объяснит тот эксперимент в рамках «устаревшей программы», то это программа снова восстановится. Пример, теория Дарвина и «кошмар Дженкинса».

Таким образом, из концепции Лакатоса видно, что научные революции не играют слишком существенной роли. В науке почти никогда не бывает периодов безраздельного господства одной «программы», т.к. происходит соперничество разных программ.

Сдвиги или незначительное изменение – все эти оценки совершаются лишь ретроспективно. По мнению Лакатоса, история науки является судьей любой концепции.

Таким образом, методология научно исследовательской программы звучит по-новому и в рамках тематического анализа, давая возможность для развития новых методологических конструкций. Научно-исследовательская программа это когнитивное основание формирования научной темы. Она обозначает горизонт систематизации знаний. Целостный характер программы гарантирует достоверность получаемого знания. Научно-исследовательская программа является способом существования научной темы, в центре каждой программы есть определенная совокупность тематических допущений, которые зачастую носят бессознательный характер и являются опорными средствами мышления.

4. Тематический анализ науки (Дж. Холтон)

Исторический вариант нормативного подхода к развитию науки представлен в концепции Дж. Холтона. Американский историк и философ науки Джеральд Холтон (1922) стал известен благодаря «тематическому анализу науки». Эта концепция отвечала потребности дополнить существующие модели структуры научного знания новым видением механизма его роста. Для того чтобы эффективно работать с проблемами, Холтон предложил такую компоненту анализа научной деятельности, как тематический анализ, призванный дополнить стандартный анализ логической структуры научного знания. «В моих исследованиях, – подчеркивал ученый, – особое внимание уделяется тому, чтобы установить, в какой мере творческое воображение ученого может в определенные решающие моменты его деятельности направляться его личной, возможно даже неявной, приверженностью к некоторой определенной теме (или нескольким таким темам)». Тематическую структуру научной деятельности, по мнению исследователя, можно считать в основном независимой от эмпирического или аналитического содержания исследований. Эта структура может играть главную роль в стимулировании научных прозрений.

С точки зрения Холтона, каждое событие в истории науки необходимо рассматривать как пересечение трех траекторий: индивидуальность ученого; состояние науки в данное время («публичной науки», лишенной следов неповторимого своеобразия индивидуальности ученого); особенностей социальных факторов, включая общий культурный контекст эпохи.

Дж. Холтон обращал особое внимание на то, что «имеется масса случаев, которые подтверждают роль научных предпосылок, эмоциональных мотиваций, разнообразных темпераментов, интуитивных скачков, не говоря уже о невероятном упорстве, с которым отстаиваются определенные идеи, вопреки тому факту, что они вступают в конфликт с очевидными экспериментами». Тематическая ориентация ученого, раз сформировавшись, обычно оказывается на удивление долгоживущей, но и она может измениться.

Как ведут себя ученые в период научных революций? Предают ли они свою тематику или следуют ей, несмотря на многочисленные аномалии, контрпримеры и парадоксы? «Тематический анализ» направлен именно на то, чтобы находить в науке черты постоянства или непрерывности, инвариантные структуры, которые воспроизводятся даже в ситуациях, названных научными революциями. Весомым аргументом, подтверждающим данное предположение, по мнению Холтона, является «древность» большинства тем в науке. Истоки некоторых из них уходят в недра мифологического мышления и являются весьма устойчивыми к революционным потрясениям. В них собраны понятия, гипотезы, методы, предпосылки, программы, способы решения проблем, – т.е. те необходимые формы научной деятельности, которые воспроизводят себя на каждом этапе.

Кеплер, например, увидел три основные темы: Вселенную как небесную машину, Вселенную как математическую гармонию и Вселенную как образец всеобщего теологического порядка. Среди тем, которыми руководствовался Эйнштейн в построении своей теории, вне всякого сомнения были следующие: первичность скорее формального, чем материального, единство и космогонический масштаб (равноправная применимость законов) ко всей совокупности опытных данных, постоянство и инвариантность. И хотя «всюду существует опасность спутать тематический анализ с чем-то иным: юнговскими архетипами, метафизическими концепциями, парадигмами и мировоззрениями», по мнению философа, «появляющиеся в науке темы можно – в нашей приблизительной аналогии – представить в виде нового измерения, то есть чем-то вроде оси».

По Холтону, стимулирующим фактором развития науки, с одной стороны, и фактором, обеспечивающим преемственность этого развития, с другой, являются «темы» (или проблемы). «Темы» включают в себя понятия, гипотезы, методологии, представляющие собой неявные предпосылки, эвристические правила, определяющие постановку вопроса, программу

исследований, способы решения фундаментальных проблем, а также выражают личную оценку, индивидуальное предпочтение, отдаваемое ученым той или иной гипотезе, проблеме, теории.

По мнению Холтона, применение «тематического анализа» очень эффективно. Оно предполагает подключение независимых и дополняющих друг друга направлений в науке. Тематический анализ позволяет локализовать научное событие в историческом пространстве и времени, а также обратить внимание на борьбу и сосуществование тем. Ибо темы не меняются во времени и в пространстве. В физике их можно насчитать больше сотни. Функция «тематического анализа» во многом родственна структурному анализу. В качестве всеобщих определений человеческого интеллекта «тематические структуры», считает Холтон, надисторичны и не зависят от конкретно-исторического развития науки.

Однако следует обратить внимание на то, что фундаментальные научные проблемы, или темы, как их называет Холтон, далеки по своей природе, происхождению и характеру от тех структурообразующих элементов, которые, по мнению структуралистов, обнаруживаются в мифах и фольклоре.

В первой главе своей книги Дж. Холтон обсуждает понятие тематической оппозиции. Он считает, что одним из существенных результатов тематического анализа является та найденная закономерность, что альтернативные темы зачастую связываются в пары, как случается, например, когда сторонники атомистической темы сталкиваются с защитниками темы континуума. Ученый приходит к выводу, что новые теории возникают на стыке и при соединении принципов конкурирующих позиций. А новые темы появляются и идентифицируются в ситуации, когда невозможно сблизить существующие, как, например, тему субъекта и объекта, классической и вероятностной причинности.

Сами темы, помимо сугубо научных признаков, включают в себя и индивидуальные предпочтения, личную оценку той или иной теории. Темы

регулируют воображение ученого, являются источником творческой активности, ограничивают набор допустимых гипотез. В связи с этим особую значимость приобретает не замечаемая ранее функция тематического анализа. Она во многом сближает естественнонаучное и гуманитарное знание, представляя тематизм как признак сходства между ними. При этом Холтон подчеркивает, что тематический анализ в гораздо большей степени по сравнению с парадигмами или мировоззрениями обращает внимание на индивидуальность ученого, а не только на его социальное окружение или «общество».

Но не следует абсолютизировать возможности тематического анализа, ибо существует еще вопрос о соотношении темы и проблемы. Сам автор с прямотой подлинного ученого подмечает неуниверсальность своей концепции и считает, что «как прошлая, так и современная наука содержит и такие важные компоненты, в отношении которых тематический анализ, судя по всему, не слишком полезен. Так, исследуя деятельность Энрико Ферми и его группы, я не нашел особых преимуществ в том, чтобы интерпретировать ее в тематических терминах». Вместе с тем тематический анализ выводит на изучение глубинных предпочтений ученого, он связывает анализ науки с рядом других современных областей исследований, включая исследование человеческого восприятия, процессов обучения, мотивации и даже выбора профессии.

5. Идея неявного знания в эпистемологической концепции М. Полани.

Английский учёный Макс Полани (1891-1976) вошёл в историю и методологию философии как автор оригинальной концепции личностного знания. Согласно ей любое знание, каким бы ни оперировал учёный, всегда носит индивидуальный отпечаток. Особое внимание в своей теории Полани уделяет так называемому неявному (имплицитному) знанию, то есть такому знанию, которое подразумевается в опыте познания через оперирование языком. Семантическая константа неопределённости неявного знания

характеризуется тем, что отсутствуют конкретные величины, которые бы могли логически измерить понятие и его предметное значение – денотат. Следовательно, любой термин нуждается в контекстуальной реконструкции, а уж дедуктивные умозаключения и вовсе предполагают неформализуемый коэффициент. Сама же формализация может быть приложима лишь к объектной теории, достаточно бедной и неполной, но никак не к метатеории, которая всегда интерпретируется субъектом познания, чей личностный опыт формализуем опять же частично.

Полани, так же как и Кун, исходит из отличных от попперовских представлений о развитии науки, рассматривая в качестве ее сущностных характеристик культурно-исторические предпосылки, формирующие не только облик науки как общественного института, но и сами критерии научной рациональности. Вместе с Куном он считает задачей философии науки выявление ее человеческого фактора. Отказываясь от неопозитивистского противопоставления объекта и субъекта познания, Полани настаивает на том, что человеку свойственно не абстрактное проникновение в суть вещей самих по себе, но соотнесение реальности с человеческим миром. Любая попытка устранить человеческую перспективу из картины мира ведет не к объективности, а к абсурду. По его мнению, основу научного прогресса составляет личностное проникновение ученого в суть исследовательской задачи. Условием же успешного функционирования научного коллектива является приобретение его членами общих интеллектуальных навыков, составляющих основу совместной работы ученых.

Смысл научного исследования, по Полани – проникновение в объективную рациональность и внутреннюю структуру реальности. По его мнению, научные гипотезы не могут быть выведены непосредственно из наблюдения, а научные понятия – из экспериментов; невозможно построить логику научного открытия как формальную систему. Концепция Полани нацелена на отказ и от чисто эмпирического, и от формально-логицистского

подходов – ее основу составляет эпистемология неявного знания.

Основой концепции неявного знания является тезис о существовании двух типов знания: центрального (явного) и периферического (скрытого, неявного). При этом последнее рассматривается не просто как неформализуемый избыток информации, а как необходимое основание логических форм знания. Любой термин, по Полани, нагружен неявным знанием, и адекватное понимание его смысла возможно лишь в теоретическом контексте употребления.

Полани принадлежит приоритет в изучении роли таких форм передачи знания, где логико-вербальные формы играют вспомогательную роль (посредством демонстрации, подражания и т. д.). Предпосылки, на которые ученый опирается в своей работе, невозможно полностью вербализовать, т.е. выразить в языке. Именно знания такого типа Полани назвал неявными. «...В самом сердце науки существуют области практического знания, которые через формулировки передать невозможно». К ним можно отнести традиции и ценностные ориентации.

Неявное знание включает в себя не только периферическое знание элементов некоторой целостности, но и те интегративные процессы, посредством которых оно включается в целостность. Процесс познания, по Полани, предстает как постоянное расширение рамок неявного знания с параллельным включением его компонентов в центральное знание. Любые определения отодвигают, но не устраняют область неявного. Получаемая через органы чувств информация значительно богаче той, которая проходит через сознание, человек знает больше, чем может выразить. Такие неосознанные ощущения и образуют эмпирический базис неявного знания.

Можно выделить два типа неявного знания и неявных традиций. Первые связаны с воспроизведением непосредственных образцов деятельности и передаются на уровне непосредственной демонстрации образцов деятельности (социальных эстафет), они невозможны без личных контактов; вторые предполагают текст в качестве посредника, для них такие

контакты необязательны. В основе неявных традиций могут лежать как образцы действий, так и образцы продуктов. Так, абстракция, обобщение, формализация, классификация, аксиоматический метод не существуют в виде установленной последовательности операций. Более того, таковые вовсе не обязательно должны существовать.

С концепцией неявного знания связана теория личностного знания Полани. Он указывает, что знания получаются конкретными личностями, процесс познания неформализуем, качество знаний зависит от оригинальности конкретного ученого, хотя и уделяет недостаточно внимания социальным аспектам познания, а тезис о личностном характере последнего приводит его вслед за К. Поппером к выводу об относительности любого знания. Главным моментом, определяющим принятие ученым той или иной научной теории, по Полани, является не степень ее критического обоснования, ее сознательного соотнесения с принятыми в науке нормативами, а исключительно степень личностного «вживания» в эту теорию, доверия к ней. Категория веры является для Полани центральной в понимании познания и знания. Само приобщение человека к науке он рассматривает как акт некоего личного обращения, по аналогии с обращением в религиозную веру.

Недостатком теории Полани можно считать то, что он не обращается к генетической взаимосвязи явного и неявного знаний. Кроме того, подчеркивая роль неформальных, содержательных компонентов в научном исследовании, Полани из тезиса о невозможности полной алгоритмизации и формализации познания делает весьма спорный с точки зрения науки вывод о малой пользе методологических исследований вообще.

Работы Полани во многом определили дальнейшую эволюцию постпозитивистской философии. Так, именно он впервые сформулировал ряд стержневых идей этого направления: несоизмеримость различных концептуальных систем, изменчивость норм научной рациональности, представления об аномалиях научного развития и т. п.

6. Х.-Г. Гадамер о роли предрассудков и традиций в гуманитарном познании.

Герменевтика Ганса-Георга Гадамера, характеризуется отвержением идеи ценностно-нейтральной науки. В своем главном сочинении «Истина и метод» (1960) Гадамер предложил такое определение герменевтики, которое, по сути, вывело его подход за пределы эпистемологических и методологических исканий классической герменевтики Фридриха Шлейермахера и Вильгельма Дильтея. Согласно Гадамеру, герменевтика есть исследование универсального феномена – человеческого понимания; она представляет собой не просто особую методику в изучении гуманитарных наук, а «универсальный аспект философии». Более того, по мнению Гадамера, «сама философия может существовать лишь как герменевтика». Метод герменевтики должен быть универсальным в силу универсальности самого феномена понимания как предмета герменевтической рефлексии. Гадамер поставил перед собой задачу – подвести под требование универсальности герменевтики историко-философское обоснование и показать, какие важные последствия из этого проистекают. Несмотря на то, что замысел Гадамера выглядит весьма внушительным в деле осмысления функциональной природы гуманитарных наук, включая вопрос о соотношении естествознания и гуманитарного знания, он вовсе не стремился разрабатывать специальную методологию социально-гуманитарного познания. Немецкий философ неоднократно подчеркивал, что истолкование его идей в методологическом ключе неизбежно приведет к аберрации их подлинной направленности. Целью Гадамера являлось скорее всестороннее изучение человеческого понимания, т.е. феномена, который охватывает собой как область гуманитарных наук, так и любой возможный человеческий опы. Он стремился осуществить «онтологическую экспликацию» феномена понимания.

Понимание является знанием, но знанием особенным, имеющим специфические черты, которые существенно отличают его от других видов

знания. Так, прежде всего, необходимо рассматривать понимание как осмысление, как выявление и реконструкцию смысла. Именно этот аспект понимания рассматривается в герменевтической традиции, которая направлена на изучение процедур толкования текстов и явлений культуры. Таким образом, главной задачей герменевтики становится истолкование и понимание текстов. Так, немецкий философ Ганс-Георг Гадамер определяет герменевтику как теорию опосредованного языком переживания мира. Эта теория оказывается важной для любой науки и любого вида человеческой деятельности.

Для человека очень важно всегда находиться в герменевтическом круге, в круге понимания, так как он перестает быть человеком, если оказывается вне круга понимания. В. Дильтей рассматривает «герменевтический круг» как связующее звено между пониманием и объяснением, так как, чтобы понять, надо объяснить, но чтобы объяснить, необходимо понять.

Таким образом, понимание есть само бытие. Для представителей герменевтического направления человек – понимающее бытие. С этих позиций понимание рассматривается как фундаментальная характеристика человеческого бытия, а язык является фундаментальным модусом человеческого «бытия в мире». Хайдеггер рассматривает экзистенциальное понимание как понимание, которое не обусловлено деятельностью сознания. Это понимание становится способом бытия человека в мире. Это первичное понимание – «предпонимание» – составляет горизонт человеческого бытия. Гадамер пишет: «Понимание обретает свои подлинные возможности лишь тогда, когда его предварительные мнения не являются случайными. А потому есть глубинный смысл в том, чтобы истолкователь не просто подходил к тексту со всеми уже имеющимися у него готовыми предмнениями, а, напротив, подверг их решительной проверке с точки зрения их оправданности, т.е. с точки зрения происхождения и значимости».

Гадамер рассматривает предварительное понимание как

«предрассудок». С понятием «предрассудка» связано понятие «традиция», в которой живет и мыслит человек. Согласно Гадамеру, не существует беспредпосылочного понимания, это «фикция» рационализма. Гадамер и Хайдеггер считают ошибочной попытку освободить познание от «предпонимания», т.е. познавать предмет сам по себе безоотносительно к познающему субъекту. Если устранить «предпонимание», то таким образом устраняется и само познание вообще. Следовательно, предрассудок не является заблуждением, так как то, что находится перед рассудком – «предрассудок», – есть форма понимания.

Многие философы прошлого настаивали на конкретности этих форм, пытались их вычленивать и определять их отношения друг с другом. По мнению Хайдеггера, эти философы пренебрегали исследованием условий, способствующих идентификации и пониманию мира. Эти условия создаются главным образом средствами языка и культуры, но при этом включают повседневные ценности, отношения и чувства, составляющие человеческое существование, т. е. настроения и тревоги. Изучение таких условий показывает, что значение мира определяют не сами формы, а скорее ценности и случайности, вовлеченные в процесс их познания. Эти формы, которые в конкретных случаях идентифицируются как реальные, не что иное как значения.

Герменевтика Ганса Гадамера формирует концепцию истины в полемике с философией Просвещения. Просветители критиковали предрассудки, авторитет и традиции, поскольку они мешают достижению истинного знания.

Исходной установкой для Г. Гадамера является историчность субъекта познания, его зависимость от культурно-исторической среды, в которой он живет. Предрассудки, авторитет и традиции являются, по мнению Гадамера, конкретным выражением исторических условий. Поэтому их невозможно полностью устранить, как предполагали просветители. Г. Гадамер переосмысливает сами понятия предрассудка, авторитета и традиции.

Г. Гадамер не ставит перед собой задачи дать четкое логическое понятие истины в гуманитарных дисциплинах. Его концепция говорит скорее об условиях приближения к истине в тех областях, где в полной мере не применимы естественнонаучные методы исследования. Сходным образом поступают и другие философы, пытающиеся сформулировать понятие истины, пригодное для использования в области гуманитарного знания. Так для Л. Парейсона личность является глашатаем истины, а Ж. Лакан обнаруживает условия истины в бессознательном дискурсе.

Как считает Гадамер, существо истории составляют предрассудки. Гадамер выступает против традиционного понимания предрассудков как чего-то ложного, субъективного и связывает такой неверный ход мысли с прошлыми установками и требованиями эпохи Возрождения и Просвещения: «очистить разум от предрассудков», прежде всего религиозных.

Гадамер видит иной аспект в понятии «предрассудок»: предрассудок – это предварительное рассуждение, которое лежит в основании процесса понимания. Поэтому, в отличие от традиции, предрассудок не препятствует пониманию, а способствует ему. Предрассудок укоренен в традиции. Зная и понимая предрассудок человек способен понять традицию, значит, понять время, в котором он живет, т.е. понять время, в котором живет «объект понимания». Благодаря предрассудку обеспечивается формирование единого смыслового континуума между интерпретатором и интерпретируемым. Предрассудок способствует передаче опыта, знакомству со временем, следовательно, является гарантом понимания.

Гадамер вычленяет:

1. Во-первых, те предрассудки, которые критиковали просветители – это просто некритически усвоенные мнения, от них можно избавиться.

2. Во-вторых, усвоенные субъектом ментальные установки эпохи, устранить которые нельзя, поскольку они являются выражением принадлежности субъекта к определенной исторической эпохе. Т. е. то, что считалось в это время «само собой разумеющимся».

3. Авторитет, под давлением которого субъект формирует свои суждения, также не является абсолютно отрицательной величиной, как считали просветители. Подлинный авторитет основан на подлинном разуме. Признавая чей-то авторитет, например, авторитет эксперта, субъект познания признает, что кто-то может видеть и понимать лучше, чем он сам.

4. Аналогичным образом Г. Гадамер рассматривает и традицию, понимаемую широко, как сохранение. Традиции пронизывают все бытие человека, поэтому признать свою зависимость от традиций не означает, с точки зрения Г. Гадамера, отказаться от самостоятельного поиска истины. Признание традиции есть лишь признание историчности и ограниченности своего собственного существования. Таким образом, следование традиции, опора на неустранимые предрассудки и авторитет не удаляют, а приближают к истине субъекта познания в гуманитарных науках.

Предрассудок является условием предварительного понимания и задан традицией, уходящей корнями в культуру, социальные нормы, стандарты образа жизни. Поэтому нет человека, который мог бы избежать влияния предрассудка. Предрассудок в данном контексте становится предпосылкой жизни человека, мышления, понимания. Нет беспредпосылочного мышления, нет беспредрасудочного понимания.

Предрассудок укоренен в традиции, а традиция проявляется не иначе, как в форме авторитетного высказывания, т.е. в языковой форме. Следовательно, предрассудок укоренен в языке. Именно язык несет в себе содержание предрассудка как предварительного суждения (до проверки на истинность). Язык является условием предварительного понимания. Совокупность авторитетных высказываний составляют суть традиции и выражают ее приказной авторитарный тон. Приказ авторитета есть приказ прошлого опыта человека, появившийся как свидетельство правильности авторитета. Приказ авторитета традиции аналогичен приказу времени, приказу самой истории. Приказ традиции выражает время, но время необратимо: то, что являлось правильным вчера для одного, может быть

неправильным завтра для другого.

Критикуя традицию эпохи Просвещения относительно негативного определения предрассудка, с одной стороны, и предлагая собственную позитивную дефиницию предрассудка, с другой, Гадамер непротиворечив. Он пытается связать противоположности в понимании предрассудка и предлагает выделять в предрассудке 2 аспекта:

1. Интимность, формирующую единство процесса понимания;
2. Чуждость, временную отстраненность.

Поскольку время необратимо, человек не может слепо следовать за традицией, за авторитетом, за предрассудком. Иначе он впадает в ситуацию повседневности, «круговерти».

Человек обязан вести с традицией вечный диалог, это – обязанность перед временем, перед историей. Задавая вопрос традиции, человек тем самым задает вопрос времени, истории. В предрассудке воплощен авторитет традиции. Но поскольку понимание лично, человек должен лично подойти к предрассудку, продуктивно перерабатывая его, расставляя по-новому акценты. В этом пункте Гадамер сам создает герменевтический круг и непротиворечиво возвращает нас к пониманию герменевтического опыта как «переписывания» истории, как индивидуального творчества.

Предшествующее творчеству Гадамера развитие герменевтики показало, что успех в деле понимания возможен тогда, когда отношения между субъектами понимания строятся на основе и по правилам диалога и общения. Самой большой трудностью, с которой столкнулись герменевтики старшего поколения, это:

1. Модернизация чужих текстов, рассмотрение собственной точки зрения как некоторого эталона;
2. Наоборот, гипертрофированное подчеркивание неповторимости и самобытности чужих текстов.

И первое, и второе приводило к субъективизации процессов понимания, и, как следствие, к непониманию.

Гадамер (опираясь на Хайдеггера) предлагает рассматривать герменевтику не в качестве учения о методе и механизмах понимания, а как учение о бытии, как онтологию. Сначала Гадамер, не отрицая сложившихся определений герменевтики как только методологии понимания, пытается синтезировать «язык» Хайдеггера и «идею» («логос») Гегеля и построить герменевтику как философию, в которой существенная роль отводится онтологии – краеугольному «философскому камню».

Позиция Гадамера в герменевтике состоит в онтологическом прочтении субъекта познания. Это означает, во-первых, что в отличие от разработки методов и методик понимания текстов в герменевтике как таковой, Гадамер стремится (и это ему удалось) преодолеть односторонне гносеологическую ориентацию, включив в проблематику герменевтики вопросы мироощущения, смысла жизни, – идеи, почерпнутые Гадамером из фундаментальной онтологии своего учителя – М.Хайдеггера.

Как логическое следствие, во-вторых, Гадамер рассматривает герменевтику не в качестве способности воссоздания аутентичного (авторского) текста, а в качестве возможности продолжения действительной истории текста, в построении каждым новым интерпретатором нового смысла, а по сути, нового текста.

Конгениального понимания вообще не существует, всякое понимание только вносит свой вклад в объем понятия. Есть только онтология, а гносеология – выдумка.

Гадамер пытается проводить герменевтическую линию, направленную на формирование собственного смысла чужого текста.

Итак, познание начинается с предпосылки, или с предварительного понимания – «предрассудка», который определяется традицией. Гадамер отмечает, что именно благодаря Просвещению понятие «предрассудок» получило негативную окраску. Само это слово обозначает «предсуждение». «Предрассудок» не обозначает неверного суждения, в его понятии заключена возможность как позитивной, так и негативной оценки. Согласно

рационалистической традиции Просвещения, все суждения, которые не обоснованы, лишены фактической основы и, следовательно, являются ложными. Отсюда полное отрицание предрассудков и желание научного познания навсегда от них избавиться. Принимая в качестве основной характеристики человеческого существования его конечность, необходимо согласиться с тем, что герменевтический опыт – это опыт конечного существования. Конечность человеческого опыта приводит к невозможности беспредпосылочного мышления, следовательно, он становится историческим. Согласно Гадамеру, если мы признаем историческую конечность бытия человека, то необходимо также принять и понятие предрассудка. Гадамер отмечает, что противоположности между традицией и разумом не существует. Традиция понимается Гадамером как точка пересечения свободы и истории. Гадамер отмечает, что для формирования традиции недостаточно способности «самосохранения того, что имеется в наличии», но необходимо согласие и принятие. Традиция, согласно Гадамеру – сохранение того, что есть, даже при любых исторических переменах. И такое сохранение является прерогативой разума.

Модульная №3 Социально-гуманитарное познание как предмет философского анализа

Вариант 1

1. Место и роль социально-гуманитарного знания в современном мире.

Особое место в общественной жизни должны занимать гуманитарная наука и гуманитарные знания, которые дают ответы на многие вопросы современной личности, например: какое знание необходимо современной личности – экзистенциальное, манипулятивное, приносящее успокоение, сытость и комфорт, или объясняющее, создающее мечту.

Роль гуманитарного знания в современном обществе может быть обозначена как роль исходных посылок для сознательного, интеллектуального отношения к себе, к своей сущностной характеристике. Для человека, который использует гуманитарные знания, существенным становится соответствие гуманитарного знания личностным переживаниям и знаниям о себе.

Именно в гуманитарном знании присутствует логика действия и логика смысла, логика преобразования и логика творения, личные переживания воздействия на другого человека и переживание последствий воздействия других людей. Гуманитарное знание как научный текст тоже не может быть беспристрастным, оно как жизнь пристрастно, и его место в потоке жизни постоянно меняется – конечно, в том случае, если оно включено в этот поток, если оно в нем востребовано.

Когда рассматривают содержание кризиса в современном гуманитарном знании, то, прежде всего, говорят о потере целостного человека как предмета изучения. В современной психологии как в одном из видов гуманитарного знания остались по существу невостребованными идеи о целостном человеке, которые разрабатывались многими зарубежными и отечественными психологами и философами (В. Соловьев, Н. Федоров,

О. Конт и др.).

Утилитарно-практическая направленность современного гуманитарного знания, стремление свести его к рецептуре действия, часто ориентированного на простую результативность цели, понимание цели гуманитарного знания как помогающего, обедняет смысл и цель исследования в гуманитарной сфере, упрощает смысл и цель применения гуманитарного знания.

Гуманитарное знание творит человека для самого себя и для других людей, дает ему возможность зафиксировать способ связи человеческих усилий, создающих собственную жизнь. Гуманитарное знание могло бы выполнить в картине мира современного человека цементирующую роль, т.к. оно содержит в себе множество способов мышления за счет возможности каждого человека получать, нести и применять это знание на общее дело всего человечества. Только возникает вопрос: какое оно наше общее дело? Какой ответ мы сегодня можем дать и захотим дать – от этого во многом будет зависеть будущее как самого гуманитарного знания, так и его место в жизни каждого человека.

Гуманитарное знание опирается на обобщенное представление о психической реальности, о ее строении и возможном развитии, оно включает также эмоциональное отношение к жизни – жизнеутверждающее или жизнеотрицающее, которое позволяет определить вектор воздействия на самотечение индивидуальной жизни. Гуманитарное знание использует и понятие о сущности человека для построения прогностических моделей его поведения и развития.

Таким образом, гуманитарные знания содержат парадигму жизни как исходную, базисную форму мышления о ней. Парадигма жизни психолога, работающего со свойствами психической реальности, не только определяет систему его жизненных ценностей, но и одновременно является тем основанием, на котором строится выбор вектора и глубины воздействия на другого человека. Парадигма жизни является обоснованием самого факта

существования гуманитарного знания как сферы жизни, направленной на сохранение индивидуальности и автономности человека в современном мире.

Глобализация, приведшая в состояние активного и весьма драматичного взаимодействия множество различных культур, на современном этапе особенно остро обнаружила свой сложный и противоречивый характер. Эти процессы затронули все многообразие социальных отношений и с чрезвычайной остротой обнажили проблему сохранения духовной идентичности современного человека, ценностная система координат которого все более утрачивает гуманистического содержания. Разрушение механизмов самоконтроля, формирование нравственно амбивалентного типа личности, обреченного на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами, ведущими к равнодушию и агрессии – все это онтологические спутники современного человека.

Решение данной проблемы невозможно без разработки и реализации комплексной программы гуманитарного образования, благодаря которой создается продуктивная модель освоения системы наиболее значимых культурных смыслов. Любой образовательный процесс представляет собой неразрывно взаимосвязанное единство обучения и воспитания. Первое ориентировано прежде всего на развитие интеллектуальных способностей. Второе направлено на «возделывание», культивирование «природы человека». При этом данные элементы образования демонстрируют удивительную способность рефлексировать друг в друга. Обучение представляет собой процесс воспитания разума путем его «приручения» к строгости и методичности. Воспитание же, в свою очередь, есть обучение в смысле «приручения» и облагораживания «воспитанным» разумом иррациональной «жизни чувств».

Образование предстает как способ обретения человеком опыта самоорганизации, опыта управления собственным разумом и своей эмоциональной сферой, без чего немислимо нормальное сосуществование индивидов в социуме. Вместе с тем, образование в единстве его

взаимосвязанных модусов может достичь обозначенной цели лишь при условии его реализации как процесса напряженного и непрерывного диалога обучаемого и одновременно воспитуемого с культурой. Это есть необходимое условие не только процесса познания, но и созидания личности, так как человек, будучи творением природы, собственно человеческую сущность приобретает лишь как «произведение» культуры.

Реализация этого условия позволяет стать образованию собственно онтологическим феноменом, каковым оно и должно быть в современной ситуации. Диалог с культурой возможен в различных формах, но наиболее продуктивной формой в силу ее целенаправленности и управляемости является, изучение социально-гуманитарных дисциплин в системе высшего образования, которые обладают не только широким интеллектуальным арсеналом, но и значительным воспитательным потенциалом.

Развитие философской мысли, представляющее историю напряженного духовного поиска истины в процессе непрерывного интеллектуального диалога, являет собой образец самосозидания человеческого духа, без ориентации на который трудно представимо формирование творческой личности.

Современный человек, призванный решать сложные в силу своей непредсказуемости проблемы, не представим без профессиональной «постановки» мышления и освоения разнообразного арсенала его средств. Такая задача может быть выполнена только при участии философии, так как погружение в стихию «чистой мысли» является адекватным способом для формирования интеллектуальной активности и самостоятельности, а также благодатной средой для культивирования важнейшей заповеди интеллектуала – «заботе об истине».

Если философия во всем многообразии ее стратегий, в первую очередь, ответственна за оформление аналитических способностей личности, то развитие способности к творческому синтезу невозможно представить без изучения других философских дисциплин (в частности, этики и эстетики), а

также без приобщения к культурологическому знанию. Это знание открывает неограниченные возможности для богатой ассоциативности и свободной игры познавательных сил человека. Воображение, представляющее собой удивительную форму сопряжения феноменального и ноуменального, обретая свободу, по словам И. Канта, способно привести к возвышению человека и бесконечному расширению границ его жизненного мира.

Таким образом, без глубокого и всестороннего освоения социальногуманитарного знания, сущность которого заключена в его непосредственной обращенности к миру человека, невозможно решить ни одной задачи в деле преобразования современного человека и радикальной трансформации принципов его бытия в мире. Данные процессы должны иметь своей целью гуманизацию системы базовых ценностей и фундаментальных установок личности и общества в целом. Это в настоящий момент выступает в качестве «категорического императива», следование которому является необходимым условием сохранения человечества в ближайшем будущем.

2. Философская герменевтика как методология современного социогуманитарного познания.

Специфика социально-гуманитарного познания заключается в том, что оно ориентировано преимущественно на качественную сторону изучаемой им действительности. Здесь явления и процессы исследуются, главным образом, со стороны качества, а не количества. Внимание акцентируется на единичном и индивидуальном, а не на всеобщем. Поэтому «удельный вес» количественных методов здесь намного меньше, чем в естественных и математических науках.

Специфика герменевтики связана с осмыслением фундаментальных задач человеческой жизнедеятельности. Это, прежде всего, обнаружение глубинных предпосылок нашей активности, поиск смысла тех явлений, которые втянуты в орбиту социальных отношений, выявление механизмов трансляции этого смысла от человека к человеку, от культуры к культуре,

понимание людьми различных текстов, социально-культурных феноменов, друг друга. Особенностью герменевтики также является и то, что она обладает возможностью воспроизводить, не претендуя на универсальность какой-либо одной методологии, картину целостного человеческого бытия в контексте культуры в постоянно меняющейся перспективе. Герменевтика, проблематика которой является неотъемлемой составляющей «наук о духе» и их методологии, инициирует появление новых принципов гуманитарного мышления, задающих перспективу изменения представлений о природе знания вообще и его способности соответствовать современной социальной реальности. При этом следует отметить, что герменевтика, ориентированная на поиск неклассических принципов интерпретации историко-культурной реальности, во многих своих установках фиксирует переход к новой, многомерной парадигме мышления. Демонстрируя всю сложность и противоречивость современной социокультурной ситуации и характера ее понимания, герменевтика на примере наиболее репрезентативного поля своей проблематики инициирует перспективу свободного творчества и концептуального плюрализма.

Основными понятиями герменевтики являются понятия «смысл», «авторитет», «традиция», «текст», «интерпретация», «герменевтический круг», но центральное положение среди них занимает понятие «понимание». Именно интерпретация феномена понимания выступает тем репрезентативным проблемным полем, который определяет философский статус и онтологическое измерение герменевтики, а также подчеркивает взаимосвязь методологических вопросов гуманитарного познания и круга актуальных проблем современной культуры. Разнонаправленность герменевтических стратегий в осмыслении феномена понимания не позволяет объединить их путем гармонизирующего синтеза, но делает возможным установить продуктивный тип опосредования и взаимной комплиментарности данных стратегий, подходов и представлений.

Для герменевтики неприемлемыми являются те формы знания, которые

претендуют на универсализм, обобщающий характер, обладание абсолютной истиной, что рассматривается как проявление «метафизики», «империализма» мышления. Современная герменевтика направлена на разрушение сугубо рационалистических обоснований феноменов действительности (и прежде всего культуры), а стратегия «законодательного разума», расцениваемого как авторитарный, сменяется в ней стратегией разума интерпретирующего. Утвердившиеся в сознании современного человека истины и ценности представители герменевтики подвергают сомнению и переосмыслению в духе адогматизации, отказе от логоцентризма.

Возрастающее влияние герменевтики на культурологическое знание, современное философствование в целом и актуализация ее положений в различных сферах гуманитарного знания предопределяет необходимость обстоятельного исследования идей ее представителей и методологических проекций этих идей в сфере современного гуманитарного познания.

В сфере социально-гуманитарного знания особое место принадлежит философии. Философия и как знание, и как убеждение, и как вера постигает человека. Это убедительно показал еще И. Кант. Именно человек есть альфа и омега философских размышлений, какой бы материал ни подвергался анализу, и какую бы форму ни принимала философия. А культура, говоря образно, – это всё, что люди думают, говорят и делают. Обращённость философии и культуры к человеку определяет органически необходимый характер их взаимодействия и взаимообусловленности.

Некоторые учёные (особенно эмпиристы) полагают, что у естественных и гуманитарных наук основные познавательные функции кардинально различаются. Они считают, что в науках о природе основная познавательная функция связана с объяснением и состоит в подведении единичного объекта под общий закон (под общую теорию). В результате чего неповторимая индивидуальность этого объекта исчезает. Поэтому, как бы ни продуктивна была объяснительная функция, в гуманитарных науках она

уступает первенство функции понимания. Здесь главная задача – постичь смысл изучаемого объекта в его индивидуальности и неповторимости. Далее эмпиристы пришли к выводу, что объяснение ничего не может дать позитивного при изучении социально-культурных феноменов, поскольку оно не приближает исследователей к пониманию специфики таких артефактов. Однако, это противопоставление объяснения и понимания ошибочно.

В эмпиризме неправильно даётся истолкование сути научного закона и, соответственно, объяснения. Научный закон есть знание качественно иного типа, чем научный факт. Если последний есть знание о каких-либо объектах в мире на уровне их существования, то первый – знание о сути научного закона и соответственно объяснения, которое задано в нём на уровне его необходимости, сущности.

В науках социально-гуманитарного цикла объяснение имеет свою специфику: оно ориентируется не на рациональность действия, а на мотивы и цели поступка. Такое объяснение получило название «интенционального объяснения».

В гуманитарном знании в качестве оснований для объяснения часто выступают типологии, а процедуры объяснения с необходимостью дополняются описанием, пониманием и интерпретацией, в частности, предпосылок и мотивов, смыслов текстов и явлений культуры. Эти приёмы представлены как познавательные процедуры и в философской герменевтике. Всё дело в том, что очень часто методология социально-гуманитарного познания обращается к дологическим, допонятийным – вообще дорефлексивным формам и компонентам, эмпирическим предпосылкам всякого рода. (Отсюда и роль герменевтики в постижении социально-культурных феноменов). Социальное и, особенно гуманитарное познание, имеет дело, прежде всего, с текстами (соответственно, с контекстами и подтекстами), символами – в целом, с естественным и искусственным языками. Поэтому задача постижения природы понимания, интерпретации текстов, знаковых систем, символов – становится для этих областей знания

очень важной. Она позволяет выяснить проблемы, связанные с использованием языковых средств в познавательных процедурах. Известно, что в познавательной деятельности и в формировании знания необходимо опираться на смыслополагание или раскрытие уже существующих смыслов, на постижение значения знаков, т.е. на интерпретацию. А это выводит исследователей в проблемное поле герменевтики, где субъект предстаёт как «человек интерпретирующий».

Современной герменевтике свойственно стремление к дополнительности, к диалогу и синтезу с другими типами философствования и системами знания. Так, французский философ П. Рикёр «прививает» герменевтику к феноменологии, соотносит её с персонализмом, структурализмом, психологизмом, религией. Для постижения культуры, её семантических характеристик он обращается к аналитической философии и лингвистическому анализу. От герменевтики текста Рикёр переходит к герменевтике социального действия.

Американский философ, представитель аналитической философии Д. Дэвидсон считает, что реальность не только объективная, но и субъективная, – формируется и существует с помощью языка и интерпретации. Сознание не носит личного характера, так как основой познания является наша коммуникация с другими людьми и объектами. Ситуации и события в нашей жизни интегрированы в один и тот же «контекст значения», предполагающий с необходимостью интерпретативную деятельность. Реальность для американского ученого – это «сплав языка и интерпретации». Его теория получила название «радикальной интерпретации».

Философы пытались создать типологию герменевтики, но критериев для проведения процедуры классификации оказалось несколько.

Представитель русской религиозной философии Г.Г. Шпет выделяет такие типы герменевтики, как: грамматическая, психологическая и историческая.

1. Грамматическая герменевтика имеет дело с такой интерпретацией, которая осуществлялась по отношению к каждому элементу языка, самому слову, его грамматическим и синтаксическим формам в условиях времени и обстоятельствах применения.

2. Психологическая разновидность герменевтики позволяет раскрыть представления, намерения, чувства говорящего, вызываемые содержанием сообщаемого текста.

3. Историческая интерпретация предполагает включение текста в реальные отношения и обстоятельства.

Другой подход к типологизации предложил Г.Х. Уайт. У него тоже выделены три вида интерпретации. Основанием деления на виды является сам способ интерпретации, или подход к раскрытию семантических характеристик. Уайт выделяет: исторический подход, эволюционизм и функционализм.

В целом в герменевтике, поскольку она становится философской, расширяется «поле» интерпретации. Она не сводится теперь только к методу работы с текстами, но имеет дело с фундаментальными проблемами человеческого бытия в мире.

Таким образом, интерпретация, исследуемая в герменевтике, аналитической философии, методологии и логике, является общенаучным методом и базовой операцией социально-гуманитарного знания. Применяется она и в естественных науках. Здесь без неё не обойтись, когда требуется осуществить перевод символов и формул на язык содержательного знания.

Это ещё раз подчеркивает, что нет резкой демаркационной линии между методологическим инструментарием естественных наук и гуманистикой.

Несколько проблемных линий: во-первых, спорным является вопрос о предмете герменевтики – если классическая герменевтика занималась только интерпретацией текстов, то на сегодняшний день проблемное поле

расширено до всей совокупности объективированного духовного; во-вторых, спорной является проблема о возможности полного преодоления дистанции между интерпретатором и объектом интерпретации; в-третьих, двояко решается проблема традиции понимания. Поэтому герменевтика продолжает развиваться как философское направление, но при этом она достаточно разработана и успешно используется в качестве методологической основы исследований в социально-гуманитарной области.

В современной философско-методологической литературе герменевтика отнюдь не всегда рассматривается в качестве познавательной стратегии. Сфера ее применения ограничивается, зачастую, гуманитарным знанием. Сегодня после обстоятельных философских трудов М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера уже практически не оспаривается онтологический статус герменевтики, а вместе с их аргументацией принимается и истолкование понимания как бытия мира. Более того, поскольку в современных философско-методологических разработках господствуют идеи релятивности научного познания и признание множественности интерпретаций как необходимого элемента современной научной картины мира, герменевтика именно в онтологической проекции получает признание в качестве элемента научного познания в целом. Сегодня интерес к герменевтике как методу связан с плюрализмом мнений и, соответственно, с релятивизацией научного познания. И это толкование герменевтики вполне вписывается в современные интеллектуальные тренды. Однако, разрушительность релятивистских установок для науки становится сегодня все более очевидной и стимулирует поиск концептуальных альтернатив в философско-методологическом сознании науки. В этом контексте особый интерес вызывает мнение русского философа, занимавшегося проблемами понимания и истолкования еще в начале XX в., и разрабатывавшего идею герменевтики как метода познания, которая может быть противопоставлена ее релятивизирующей трактовке. Это позиция Густава Густавовича Шпета.

На протяжении всей творческой жизни Шпет разрабатывал

историческую философскую программу. Историзм придает философии конкретность, дает возможность понять конкретный культурно-исторический контекст, определяющий реальное сознание людей и господствующие в то или иное время идеи, которые, как он полагал, не имеют истории, но им присуще достоинство. При этом историчность философии не сводится Шпетом к историсофским интерпретациям развития человечества, но рассматривается как интерпретация настоящего и прошлого, связанная с осознанием человеком самого себя в окружающей реальности.

Шпет конечно же прекрасно был знаком с осмыслением проблемы понимания в европейской традиции, но двигаясь от истории он раскрывал такие измерения истолкования и интерпретации, которые фактически открывали новые методологические перспективы разработки герменевтики, не потерявшие актуальности до наших дней. Необходимо отметить представления об историческом развитии герменевтики. Шпет выделял путь аллегорической школы, узаконивавшей множественность истолкований и путь школы исторической, искавшей единственно возможное толкование. Однако для самого себя выбирал исторический путь к единственному (конкретному) смыслу и, опираясь на историзм, ставил задачу разработать особую герменевтическую «теорию познания» гуманитарной реальности. «Своеобразие этой теории познания – рассуждает Шпет – станет ясным, если сопоставить ее с логикой.

Позиция Шпета по самой своей сути ориентирована на практику познания (не только гуманитарного), она методологически эффективна. Герменевтическая методология, подразумевающая поиск единственного смысла артефакта, делает возможным, в частности, исследование черновых материалов философов, и претендует при этом на их однозначное понимание с опорой на культурно-исторический и научно-библиографический контекст творчества этих философов. Такого рода черновики – это знаковые системы, которые предполагают именно уразумение и истолкование их смысла. Ведь автор черновых набросков всегда подразумевал нечто конкретное (событие,

высказывание, цитату, автора и т.д.), которое и нужно понять как единственное и уникальное. Тот же принцип – нацеленность на смысл знака – лежит в основании и комментаторской работы, которая (как и в случае расшифровки рукописи) предстает как осмысление знака – мы его можем читать, но его единственный смысл неясен, его надо найти и представить.

С эпистемологической точки зрения, эффективность исследовательской работы определяется тем, насколько удастся совместно использовать в качестве методологического ориентира зачастую противопоставляемые трактовки истины – корреспондентной и когерентной. Черновик это по сути не-текст, поскольку его смысловая структура нам изначально не дана. Не-текст все-таки имеет потенциальную связанность, т.е. приступая к разгадыванию содержащихся в нем знаков, основываясь на принципе когерентности. Это позволяет рассматривать искомый знак в его отношении к другим элементам не-текста и, опираясь на герменевтическую методологию, пробрасывать смысл в историю. Мы выдвигаем гипотезы по поводу неясных знаков и ищем их соотносительности с другими частями не-текста. Более того, мы выходим за рамки не-текста в текст «большой культуры» (в данном случае таким «большим» текстом становится история (как архив эпохи) или, как это ни парадоксально, Интернет). Опыт такой работы позволяет утверждать, что нацеленность на поиск единственного смысла в расшифровке не-текстов – оправдана.

Таким образом, герменевтическая методология, которую разрабатывал Шпет, оказывается актуальной сегодня для исследователей-гуманитариев.

3. Проблемы и перспективы освоения междисциплинарных методологий в социально- гуманитарном познании.

Одной из ведущих тенденций в науке второй половины XX в. является стремление к синтезу знания, полученного в рамках отдельных научных дисциплин. Наряду с сохраняющейся дисциплинарной организацией науки и усиливающейся специализацией идет активное формирование междисциплинарного знания, все чаще применяются проблемные и

проектные подходы к исследованию, утверждается парадигма целостности. Однако понимание междисциплинарности как на уровне самого определения понятия, так и на уровне оценки ее эвристического потенциала существенно различается. По-разному оценивается и ее эффективность. Нередко исследователи указывают, что их работа носит междисциплинарный характер, плохо понимая сущность междисциплинарности, полагая, однако, что такое указание повысит их шансы на получение гранта либо придаст дополнительную актуальность и ценность их изысканиям. Необходимо конкретизировать сам термин, а также определить основные преимущества междисциплинарности и проблемы, встающие перед учеными, работающими на стыке научных дисциплин.

Интерес к изучению дисциплинарной организации науки возникает с 1950-х гг. В эпистемологии формируется представление о научной дисциплине как форме организации знания, а также о науке как системе отдельных дисциплин. Складывается устойчивое представление о том, что дисциплинарная организация науки облегчает процессы внутринаучной коммуникации и контроля, обеспечивает подготовку кадров. Каждая научная дисциплина имеет традиционный объект исследования и свой научный инструментарий, признанное экспертное сообщество и совокупность авторитетных журналов и издательств, собственную «научную элиту» и «научную периферию».

Дисциплинарная организация науки облегчает процесс контроля со стороны государства, наука из сферы свободного творчества превращается в четко организованный и регламентированный социальный механизм. Исследователь как представитель определенной научной дисциплины должен быть очень дисциплинирован: он не должен отступать от устоявшихся норм и правил исследования, ему следует придерживаться сложившихся традиций, в противном случае он утрачивает саму возможность утвердиться в профессиональной среде. По мнению известного французского философа М. Фуко, общая тенденция дисциплинаризации,

проявившаяся в европейской культуре с XVIII в., во многом обусловлена стремлением государственной власти контролировать все сферы жизни общества.

Сегодня постоянно увеличивается объем информации, который должен быть переработан исследователем, изучающим тот или иной предмет, что делает невозможным его поистине всестороннее рассмотрение. Усложняется и методология исследования: современный ученый должен владеть все более сложным исследовательским инструментарием. Стремление к профессионализации и специализации научных исследований приводит к дроблению дисциплин. Их число в настоящее время сложно определить.

Сегодня наука может быть представлена как совокупность не отдельных научных дисциплин, а их сложных комплексов. В дисциплинарном комплексе можно выделить фундаментальные науки – дисциплины, разрабатывающие программы изучения тех или иных объектов, и таксономические – дисциплины конкретно-предметной организации, использующие при изучении определенных групп объектов программы фундаментальных наук.

Иногда усиливающаяся специализация научного знания граничит с так называемым «профессиональным кретинизмом», когда представители отдельной научной дисциплины не хотят знать ничего, выходящего за ее непосредственные рамки. Признание приоритета собственной научной дисциплины перед другими, свойственное многим ученым, увлеченным своей деятельностью, приводит к формированию у них профессиональных стереотипов, проявляющихся в автоматизированных умениях и навыках, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Но часто это приводит к негативным следствиям: ученый, полагаясь на свой высокий уровень профессионализма, использует стандартизированные методики. Стереотипизация познавательных действий, упрощенный подход к решению проблем приводят к тому, что ученый начинает неадекватно воспринимать инновации, утрачивает чуткость к новизне, а ведь именно продуцирование

нового знания является важнейшей особенностью науки.

Преодолеть указанные недостатки дисциплинарности и призвана междисциплинарность, получившая распространение во второй половине XX – начале XXI вв. Следует отметить, однако, что трактуется этот подход к научному познанию по-разному. Можно выделить два основных подхода к междисциплинарности. Согласно первому, междисциплинарность понимается как взаимодействие двух или более научных дисциплин, каждая из которых имеет свой предмет, свою терминологию и методы исследования. Непосредственно такое взаимодействие реализуется в форме работы над конкретными исследовательскими проектами, создания междисциплинарных центров при академических организациях, проведения междисциплинарных конференций, издания проблемно, а не дисциплинарно ориентированных журналов и т. п. Второй подход к междисциплинарности предполагает выявление тех областей знания, которые не исследуются существующими научными дисциплинами. Приставка «меж» в этом случае указывает на наличие некоего провала между дисциплинами, «ничейной земли», не являющейся традиционным объектом исследования ни одной из дисциплин. В таком случае на стыке научных дисциплин может возникнуть новая.

Исходя из изложенного выше подхода к дисциплинарности, междисциплинарность можно рассматривать как сферу свободы, как возможность вырваться из-под жесткого контроля дисциплинаристов, приблизиться к подлинному творчеству, свободному от каких-либо ограничений. Именно с таких позиций Г.Б. Клейнер пишет, что «дисциплинарность – это порядок, а междисциплинарность – это свобода».

Безусловно, междисциплинарность в ее первом значении может способствовать плодотворному решению научных проблем. Она позволяет исследовать объект в его целостности, объединять данные, полученные специалистами различных дисциплин, привести к возникновению новых, плодотворных концепций, расширяющих и углубляющих существующий корпус научного знания. Как правило, междисциплинарные исследования

проводятся в том случае, когда предмет исследования слишком сложен, а проблема слишком масштабна для определенной научной дисциплины. Междисциплинарность может иметь существенные преимущества перед отдельными дисциплинами, однако она же может завести исследователей в своеобразные тупики, а за громкими фразами о применении междисциплинарной методологии могут скрываться дилетантизм и непрофессионализм. Четкое понимание преимуществ междисциплинарности и возможных проблем, связанных с ее применением, позволит исследователям использовать ее эвристический потенциал, избегая негативных последствий чрезмерной увлеченности ею.

Важное преимущество междисциплинарности, связанное с выявлением связей между различными дисциплинарными областями, является проявлением интегративных тенденций, присущих постнеклассической науке с ее стремлением к синтезу знания. Следствием применения междисциплинарного подхода к исследованию может стать выход за рамки сложившихся стереотипов, норм и исследовательских традиций. Однако, как справедливо отмечает П. Тагард, междисциплинарное исследование будет успешным лишь в том случае, если оно опирается на идеи, действительно пересекающие дисциплинарные границы.

На методологическом уровне междисциплинарность значима потому, что позволяет применить методы, характерные для одной дисциплины в других областях знания, порождая новый междисциплинарный инструментарий.

Значимой характеристикой междисциплинарного исследования является его проблемная ориентированность, приводящая к появлению принципиально нового знания на стыке отдельных дисциплин. Причем сами дисциплины после подобного интегрирования не прекращают своего существования, а лишь обогащаются новыми принципами исследования.

Существенными проблемами, возникающими при проведении междисциплинарных исследований, являются проблемы несовпадения

специализированных языков и понятийного аппарата различных дисциплин, а также экспертизы междисциплинарных исследований. Как известно, формирование научной терминологии является результатом длительной эволюции. Становление научной дисциплины идет параллельно с формированием ее понятийной базы, причем основным требованием к термину является высокая степень однозначности. Полисемия в научной работе является серьезным недостатком, затрудняющим адекватное восприятие текста. Однако если в рамках отдельной научной дисциплины наблюдается тенденция к пониманию важности однозначности терминов, то в терминологических системах различных дисциплин «полисемия настолько расходится, что может становиться омонимией». Важным этапом междисциплинарного исследования является разработка базовой терминологии. Сложность заключается в том, что практически в каждом конкретном случае понятийный аппарат приходится разрабатывать или перерабатывать заново. Причем между учеными, входящими в коллектив, проводящий междисциплинарное исследование, должно иметься единство мнений по поводу того, какой смысл будут иметь термины. Однако на практике такое терминологическое единство далеко не всегда наблюдается. Порой трактовкам терминов вообще не придается значения, вследствие чего ученые разных дисциплин либо не могут прийти к совместным выводам, ведя бесплодные дискуссии, либо используют понятийный аппарат некритически, а ведь именно терминология является тем фундаментом, на котором строится все здание научного исследования.

Существенной проблемой междисциплинарных исследований является проведение их экспертной оценки. Традиционно в науке действует принцип «рецензирования равными», причем «равные» являются представителями той же научной дисциплины. В случае междисциплинарных исследований этот принцип нарушается, и неизбежно возникает вопрос критической оценки проведенных изысканий. Поскольку статьи, освещающие междисциплинарные исследования, как правило, рецензируются

дисциплинарными, возникает угроза их непонимания или неточного толкования. Чтобы этого избежать, экспертиза научного текста должна включать анализ метаязыка описания результатов научных исследований. Для облегчения работы рецензентов и обеспечения адекватной оценки результатов изложенного в междисциплинарных исследованиях, автору необходимо включить в сам текст характеристику базовой терминологии и методологии, что, учитывая ограниченный объем статьи, может быть затруднительно.

Таким образом, междисциплинарность может стать как фактором повышения качества исследовательских проектов, так и затруднить получение нового истинного знания. Преимущества междисциплинарных исследований могут быть реализованы только при условии определения четких принципов работы междисциплинарных коллективов и сфер ответственности входящих в него ученых, критического использования терминологии, выработки и применения эффективной методологии, позволяющей осуществить подлинный синтез знания. Важной проблемой эпистемологии в целом является выработка критериев экспертизы междисциплинарных исследований, позволяющих как оценить новаторские работы, так и избежать дилетантизма и непрофессионализма.

4. Наука и власть: возможность и границы диалога.

Обычно в анализе науки используются три подхода, благодаря которым в ней вычленяются три характеристики, – наука как социальный институт, обладающий особой системой норм и ценностей; как социальная по природе, познавательная деятельность, осуществляющаяся научным сообществом и регулируемая определенными регулятивами и идеалами; как система знания. Первые два подхода рассматривают науку в ее тесной связи с социокультурной системой. Третий же подход исключает науку из социокультурного контекста, подчеркивая неподвластность объективно истинного научного знания социально-историческому анализу. Научное знание при этом подходе трактуется как некое «чистое» знание, объективное,

незаинтересованное, ценностно нейтральное, существующее вне контекста властных отношений в обществе. В лучшем случае этот контекст отождествляется со способом использования знания различного рода социальными инстанциями власти – предпринимателями, технократами, государственными деятелями и пр. Сущность научно-теоретического знания усматривается в постижении исследуемого объекта самого по себе, в овладении истиной. «Чистота» научного знания замутняется при его использовании в промышленной технологии, социальной инженерии. Превращение науки в служанку каких-то вненаучных сил губительно для науки. Такова весьма распространенная позиция, которая ограничивает применение понятий и методов социологии изучением взаимоотношений науки и общества, но считает непозволительным анализ научного знания с социокультурной точки зрения, форм организации знания, способов его функционирования в обществе и культуре.

Эта позиция имеет весьма длительную философскую традицию.

Кант и Гегель строят разные философские системы, однако их объединяет стремление исключить научно-теоретическое знание из сферы социокультурного исследования.

И в XX веке можно назвать немало выдающихся мыслителей, которые отстаивали эту позицию. Так, Э.Гуссерль, развивая феноменолого-эйдетическую концепцию науки, полагал, что возможно чистое знание, постигающее сущность и чуждое какой-либо сопряженности с социокультурным контекстом. Но, поздний Гуссерль радикально трансформировал свою точку зрения, подчеркнув жизненно-мирскую отягощенность науки, ее обусловленность структурами «жизненного мира». К. Мангейм – один из основателей социологии знания, исходивший из «экзистенциальной обусловленности знания» и стремившийся понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, все же оставлял вне поля социологического анализа естественные науки и математику.

Итак, весьма распространенная позиция, согласно которой наука – это одно, а власть – нечто совсем иное, имеет глубокие философские корни. Также в названии вопроса отразилось понимание науки и власти как двух сущностей, отношение между которыми ограничивается использованием достижений науки институтами власти, – ведь речь о власти И науке, где союз «и» связывает две разные сущности.

Эта позиция предполагает специфический гносеологический подход к анализу научного знания, которое или по своей сути, или по своим некоторым формам объявляется ценностно нейтральным, объективно истинным и чуждым отношениям власти. Вместе с тем эта позиция связана и со специфической трактовкой власти, которая отождествляется со структурами государства, с государственными и юридико-правовыми институтами. В соответствии с этим проблема отношения науки и власти трактуется как отношение науки и государства. Отождествление власти с государственной властью и сведение всего круга проблем к проблеме отношений государства и науки характерно для социологии науки, где эта проблематика занимает важное место. Все такого рода отождествления и редукции неадекватны реальному существованию современной науки и цивилизации. Однако и отождествление власти с государством, и сведение научного знания к теоретическому знанию основываются на специфической модели взаимоотношения государства и науки – модели использования или институтом науки государственных институтов, или же, наоборот, институтами государства результатов научного знания. И для того, и для другого случая характерна модель использования одной инстанции другой, модель превращения другой инстанции в средство своего существования и развития. Так, для мыслителей XIX века главенствующей была модель использования государства в качестве средства развития науки. Ей отдавали приоритет такие мыслители, как Шиллер, Фихте, Шеллинг, Шлейермахер. Она составляет средоточие предложенной В. Гумбольдтом реформы университетского образования в Германии, позднее осуществленной.

Известно, что Гумбольдт усматривал цель университетского образования в приобщении к чистой науке, обителью которой является университет. Побудительный мотив к образованию, согласно Гумбольдту, заключается в бескорыстном, неутилитарном поиске истины. Свобода – условие для научной деятельности, а назначение университета – в формировании свободного гражданина. Он особо подчеркивал то, что государство не должно вмешиваться в научную деятельность. Образование и занятие науками относятся, по Гумбольдту, к частной сфере жизни, в которую не имеет право вмешиваться государство. Государство не обладает ни полномочиями, ни административным аппаратом, ни организационной концепцией для того, чтобы руководить системой образования и научными исследованиями. Государство должно самоустраниться от управления научными исследованиями. Оно предоставляет ассигнования в форме глобального финансирования, т.е. без права вмешиваться в их распределение, которое является делом ректората и университетского совета. Программа преобразования университетского образования, предложенная В.Гумбольдтом и реализованная в первой половине XIX века в Германии, базировалась на специфической модели знания и взаимоотношений государства и университета, где государство, представлявшее власть, оказывалось средством развития научных исследований и образования. Программа Гумбольдта отражала в своих фундаментальных установках и идеалах ценности и способ существования «университетской науки», где преподаватель совмещал в своем лице функции учителя и исследователя, где научное исследование было эпифеноменом процесса обучения. Идеи Гумбольдта отнюдь не умерли в XX веке. Они были возрождены в ходе перестройки системы немецкого образования после поражения фашистской Германии в 1945 г. и были положены в основу той системы управления наукой, которая существовала в ФРГ в первые послевоенные десятилетия.

Тема «наука и власть» намного шире темы «наука и государство». Феномен власти выходит далеко за рамки власти государства,

институциональной власти государства. Ведь власть нередко не имеет институционального, а тем более государственно-политического характера. Ведь в науке говорят о власти авторитета, о властных отношениях внутри научного сообщества, о властных функциях руководителя научно-исследовательской группы и т.д. Все такого рода феномены выходят за пределы власти институтов государства и трудно улавливаемы в социологии науки, отождествляющей власть с государственной властью. Изучение феномена власти и его сопряженности с наукой – тема не социологии науки, а социальной философии.

Первый шаг к тому, чтобы универсализировать феномен власти и сделать вторичным, производным феномен власти государства, сделал М. Вебер. В его концепции социального действия социальность предполагает взаимное признание: притязание господина на власть должно быть признано со стороны того, кто выполняет служебные функции, и наоборот. По его словам, господство предполагает взаимное ожидание и взаимное признание: того, кто приказывает – что его приказу будут повиноваться, а тех, кто повинуются – что приказ будет исполнен и признан. В этом заключается, согласно Веберу, социальная природа господства, отождествляемого им с властью. Исходным понятием социальной философии М. Вебера было понятие господства, которое для него было тождественно понятию власти. Он вычленяет три типа господства. Первый тип господства – легальное господство, в основе которого лежит целерациональное действие. Оно подчиняется юридическим законам, формально-правовому началу. Этот тип господства осуществляет слой бюрократии, который для Вебера является выразителем компетентности руководства и рациональности управления. Второй тип господства – традиционное господство. Оно основано на вере в священность и законность издревле существующих порядков. Этот тип господства подразделяется им на два вида – патриархальное и сословное. Для первого вида характерно то, что начальник совпадает с господином, подчиненные с подданными и слугами. Для второго вида этого типа

господства характерно то, что господствующий и подчиненный слои представляют собой сословия со своими привилегиями и возможностями. Ведущие характеристики этого типа господства состоят в том, что господствующее сословие обладает привилегией на господство. Третий тип господства – харизматическое господство, которое основывается на экстраординарных способностях человека, пришедшего к власти – его пророческом даре, силе духа и слова.

М. Вебер – один из основателей теории социального действия. Для него вся социальность заключена в социальном взаимодействии. Вне ее и помимо ее ничего другого не существует. Государство, институт права вырастают из социального действия, причем из социального действия определенного рода, а именно из целерационального действия, лежащего в основе легального типа господства. Институт права и государства, по Веберу, нельзя гипостазировать, нельзя превращать в некие безличностные структуры, наделяемые особыми силами, собственной жизнью и подчиненные особым законам. И государство, и право, и все типы господства должны быть выведены из социальных отношений людей, из специфических форм взаимодействий между людьми. В этом заключается номиналистический подход М. Вебера к социальной жизни, укореняемой в социальных действиях людей. При таком подходе и наука трактуется совершенно иначе, чем в социальной философии XIX века. Наука вплетена в социальное взаимодействие. Она – лишь момент социального действия определенного типа, а именно целерационального действия. Это означает, что наука возникает вместе с утверждением универсальности целерационального социального действия, составляя его важный компонент и вместе с тем его важнейший гарант. Наука трактуется М. Вебером как способ рационализации социального действия во всех сферах его осуществления – от экономики до психологии. Наука несет на себе печать определенного типа господства – легального господства, основывающегося на всеобщности правовых норм и всеобщности критерия компетентности

управляющего слоя – бюрократии. Легально-правовое господство находит свое высшее выражение в буржуазном обществе. Поэтому и генезис науки Вебер связывает с возникновением капитализма, которое было подготовлено утверждением этики протестантизма.

Итак, М. Вебер был первым европейским социологом, который осознал фундаментальность феномена власти и вторичность государственно-правовых институтов. Правда, он отождествил власть с господством, а государство и право – с определенным типом господства. Эта трактовка феномена власти позволила ему совершенно иначе трактовать науку. Она была понята как исторически социальный феномен, связанный с определенным типом власти – с легально-правовым господством, в истоке которого лежит целерациональное действие. Несомненная заслуга Вебера заключается в том, что он отказался от сугубо юридического представления о власти, от неоправданного отождествления власти с совокупностью государственно-правовых институтов и аппаратов управления. Феномен власти, тождественный для него феномену господства, отнюдь не совпадает с государственно-правовыми институтами. Государство и право, согласно Веберу, – лишь один из типов господства, правда, весьма значимый в истории цивилизации, но все же лишь один из типов. Достоинство концепции Вебера заключается в отождествлении власти с господством. И вместе с тем в этом отождествлении один из изъянов его концепции, поскольку это отождествление им не обосновано и не оправдано.

В последующем развитии европейской и американской социологии и политологии возникло противостояние двух подходов в объяснении феномена власти. Один из них представлен в институциональной школе (С. Липсет, Д. Ландберг, Р. Дарендорф, Р. Бендикс), которая настаивает на том, что социальная жизнь организована сложной сетью общественных норм и институтов, обладающих собственным существованием, независимым от поведения людей. Второй из них представлен в поведенческом (бихевиоральном) направлении в политологии, в социально-философских

концепциях Э. Канетти, М. Фуко, Р. Барта. Отечественные исследователи проанализировали те изменения, которые произошли в европейской и американской социальной философии и которые можно интерпретировать как осознание фундаментальности феномена власти относительно любых политических институтов, раскрыли своеобразие используемых в ней моделей власти (власть как «воля к власти», модель «рынка власти», «игровая модель», где власть – состязание субъектов власти и др.)

Все эти различные модели и концепции отличает прежде всего стремление интерпретировать власть как предельно широкий и универсальный феномен политического взаимодействия индивидов. М. Фуко, подчеркивая, что власть не тождественна институтам государства и складывающейся системе господства одной части общества над другой, характеризует власть как множественность отношений силы, имманентных той области, в которой они осуществляются, как подвижный цоколь силовых отношений, которые в силу своего неравенства постоянно индуцируют состояния власти. Из этого вытекает иной взгляд на государство, которое «при всем универсальном значении его аппаратов, далеко от того, чтобы заполнить собой всю область актуальных отношений власти»; «государство может действовать лишь на основе других, уже существующих отношений власти. Государство надстроечно по отношению к целой серии властных отношений, которые инвестируют тело, сексуальность, семью, родство, познание, технологии и т.д.». для Фуко власть – поле социального взаимодействия, поле отношений сил. Для него власть – это не институт, а игра неравных, подвижных отношений сил. Властные отношения не являются чем-то внешним относительно других социальных отношений – экономических, научных и других общественных процессов. Власть имманентно присуща всем социальным отношениям. Человек не может находиться вне отношений власти, он находится внутри властных отношений. Нет ничего внеположной властным отношениям – некоего социального института власти, Государства, Партии и пр. Существует лишь

поле отношений власти, а государство – это институциональная интеграция отношений власти.

В целом ряде общественных наук в XX в. возникли и стали доминирующими «полевые модели» взаимодействия между индивидами. Защитники «полевых моделей» в общественных науках не скрывают того, что истоком для них послужили успехи электродинамики и теории поля в современной физике. Так, Б. Рассел, подчеркивая фундаментальную значимость понятия власти, непосредственно обращается к аналогии с понятием энергии: «Фундаментальным понятием в общественных науках является власть, в том же смысле, в каком энергия является фундаментальным понятием физики... Власть, подобно энергии, следует рассматривать как постоянный переход из любой одной формы в другую, и делом общественных наук должен стать поиск законов таких преобразований».

Какие последствия имеет для анализа науки превращение власти в фундаментальный феномен социальной жизни и «модели поля» в решающее средство исследования в общественных науках? Прежде всего, изменилось понимание взаимоотношений между наукой и инстанциями власти. В наши дни все более и более осознается то, что отношение между наукой и властвующими инстанциями нельзя трактовать как отношение кардинально отличных друг от друга сущностей, что инстанции власти не внеположны науке, имманентны ей. Тем самым полностью отвергается то ставшее весьма распространенным мнение, что существует некая область научного знания, которая подчиняется механизмам запрета со стороны экономических, юридико-правовых, управленчески-организационных и идеологических институтов власти. Знание конституируется в науку лишь на фоне властных отношений, которые вовлекли в реторту власти и самую науку. Власть смогла сделать знание своим объектом лишь потому, что в самом знании существовал властные отношения и утвердилась идеология власти со своими идеалами и целями, ориентирующимися на господство и подчинение. Наука и власть оказались сопряженными друг с другом: властные отношения

пронизывают научное сообщество и научное знание. В самой науке можно выявить различные локальные очаги власти, отношение «учитель-ученик», «научный руководитель – аспирант» «заведующий группой – научные сотрудники» и т.д. Более того, наука возникла в XVII веке на базе отношения «учитель – ученик», которое присуще структуре власти в средневековых и новоевропейских университетах. Поэтому способы организации университетского образования, формы систематизации знания, представленные в оппозиции «дисциплина – доктрина», и схемы господства и подчинения, выражающие особенности властных отношений в университетской науке, оказываются сопряженными друг с другом.

Иными словами, не следует искать группы, которые обладают властью, и группы, которые ее лишены, полагая, например, что политики находятся у кормила власти, а ученые удерживаются вне власти. Такая позиция возможна лишь в том случае, если власть отождествляется с государственной властью, и не ухватывается всепронизывающий феномен власти и тем более механизм распределения власти на каждом этапе сложной конфигурации действующих социальных сил.

Для того, чтобы раскрыть сопряженность науки и власти, выявить властные функции науки, понять науку как одну из форм власти, необходимо было найти новые средства исследования науки, предложить новые понятия, позволяющие ухватить единство науки и отношений власти. Одним из таких понятий было понятие «дискурса», заимствованное из структурной лингвистики, но получившее гораздо более широкий смысл. Дискурс рассматривается не просто как определенная форма выражения, а как речевая коммуникация, речевая деятельность и более того, как символическая практика вообще. При таком весьма широком понимании дискурса он не отождествляется с процессом рассуждения, осуществляющемся в цепочках логических звеньев – высказываний. Дискурс трактуется как сложная амальгама речевых актов, их интерпретаций, объектов, различных модальностей символического выражения, понятий, методов, стратегий и др.

Научное знание оказывается в таком случае одним из видов дискурса наряду с литературой, философией, религией, историческим описанием и др.

Изучение универсальности феномена власти, анализ науки как дискурса, включенного и сопряженного в отношения власти, в социальной и политической философии, в науковедении становится в 70-80-е годы решающим. Так, один из «новых философов» Франции Б. Леви подчеркивает: «Власть – не чуждый обществу элемент. Она составляет с ним единое целое, она формирует его состояния... Власть – это демиург, без которого общество – ничто». Другой известный французский философ – Ж. Деррида отождествляет научный дискурс с властью логоса, языка и мысли.

В книге С.Ароновица «Наука как власть. Дискурс и идеология в современном обществе», посвященной концепции научного дискурса как дискурса власти, проводится мысль о том, что дискурс языка является способом первичной социализации научного мировоззрения, что наука представляет собой дискурсивную формацию, в которой в настоящее время происходят существенные изменения: возникают новые источники власти такие, как научные лаборатории в промышленных фирмах, научно-производственные объединения, формируется новый контекст производства и распространения научного знания, усложняются функции ученых, включающихся уже в качестве экспертов в состав государственных комиссий и учреждений. Правда, сам Ароновиц уделяет основное внимание взаимоотношениям науки и технологии, рассматривая прежде всего значение власти техники для науки. Однако, тот факт, что им проанализированы взаимоотношения науки и техники, различные концепции гегемонии техники, техники как идеологии и, наконец, научно-технического дискурса как дискурса власти, свидетельствует о том, что в зарубежной философии и социологии науки все более осознается включенность научного исследования в социально-политический контекст с присущими ему отношениями власти, что традиционный разрыв науки и институтов власти преодолен, что

складываются новые понятийные и методологические средства для исследования статуса и способа существования науки в структурах власти в современном периоде.

Таким образом, особенности нового подхода, позволяющего анализировать науку как власть, следует прежде всего отметить подчеркивание фундаментальности и всеобъемлемости феномена власти. С этим связано представление о пластичности науки по отношению к структурам власти. Подчеркнуто говорят о проникновении властных отношений в саму науку – и в научное сообщество, и в социальный институт науки, и в научное знание. Это означает, что властные отношения находят свое выражение в используемых учеными метафорах, в научном языке, в выборе определенных идеальных объектов и объяснительных схем. Можно сказать, что онтология науки, ее «бытийственная» структура полностью определяется волей к власти, если употребить термин Ф. Ницше. Эта мысль по-разному выражается в современной социальной философии: М. Фуко говорит о том, что воля к знанию есть лишь модус воли к власти, Р. Барт отождествляет научный дискурс с языком, а его в свою очередь с дискурсом власти, Ж. Деррида уравнивает научный дискурс с властью логоса, т.е. языка и мысли, С. Ароновиц связывает генезис и развитие науки с гегемонией техники. Но все это – лишь разные аспекты отношений власти, которые пронизывают саму науку, разные функции науки как власти, при этом зарубежные социальные философы не всегда учитывают то, что происходит наращивание властных функций науки, которые не исключают прежние, а дополняют их, модифицируя их содержание.

5. Этика науки и нормы научного этоса

Этика как отрасль знания – это философская наука, объектом изучения которой является мораль.

Обычно этика разделяется на две большие части – учение об этических нормах и учение о моральной деятельности. Научное деяние – любой акт деятельности, направленный на получение, сообщение или освоение

научного знания. Объект научного деяния – это ученый, т. е. человек, занимающийся научными деяниями, а также любой предмет, при участии которого эти деяния осуществляются (исследуемый материал, книга, средства связи и т. п.). Деяния и объекты можно подразделить на этически нейтральные и этически оцениваемые. К первым – этически нейтральным – относятся те виды деятельности, в осуществлении которых практически отсутствуют межличностные отношения, – подбор приборов, подбор метода исследования, анализ литературы и т. д. Ко вторым – этически оцениваемым – относятся: сам процесс исследования (особенно если он небезопасен для людей или требует крупных финансовых вложений); обмен мнениями по той или иной проблеме (дискуссия); публикация результатов. Этически нейтральные объекты научного деяния – исследуемый материал, метод, приборы, реактивы и пр.; этически оцениваемые – отдельный ученый; коллектив, работающий над определенной проблемой; совокупность коллективов, работающих над определенной проблемой; все научное сообщество в целом; человечество в целом. В процессе развития науки этически оцениваемые объекты производят этически оцениваемые деяния, и тогда деяния порождают этически оцениваемые отношения, а объекты становятся субъектами этих отношений.

Одним из важных результатов научной деятельности является создаваемая научным сообществом некоторая совокупность внутренних социальных норм, правил – так называемый этос, или этика науки.

Этос науки – это те нормы, которых придерживаются ученые в своей деятельности и которые способствуют формированию социального института науки. Этические ценности науки воспроизводятся от поколения к поколению и являются обязательными для ученого. Этос очерчивает круг допустимого поведения в рамках науки как социального института.

Особенности этоса науки.

1. Выполняет регулирующую функцию: сохраняет нравственный характер ценностей, исповедуемых учеными.

2. Выполняет инструментальную функцию, служит формулированию этических требований для потенциально реализуемого научного проекта.

Этика науки изучает нравственные основы научной деятельности, совокупность ценностных принципов, принятых в научном сообществе, и концентрирует в себе социальный и гуманистический аспекты науки.

Научный этос направлен прежде всего на организацию отношений внутри научного сообщества и обеспечение его автономии по отношению к другим социальным институтам: религии, искусству, государству, общественным организациям.

Основы этики науки стали складываться вместе с появлением первых научных сообществ в XVI–XVII вв.

Интенция на оценку науки в соответствии с принципом ее социальной ответственности становится особо заметной тогда, когда осуществляется очередной этап в процессе ее институционализации и она обретает вид «большой науки». В такой период наука не только оказывает существенное влияние на разработку средств человеческой деятельности, но и определяет наиболее актуальные и приоритетные ее цели. Именно научное сообщество устами наиболее выдающихся своих представителей (А. Эйнштейн, Б. Рассел, В. И. Вернадский, А. Д. Сахаров и др.) впервые заявило о необходимости эффективного социального контроля над наукой с тем, чтобы снизить риски, инициированные научно-техническим прогрессом.

Интерес к проблемам социальной ответственности науки стимулировал развитие различных стратегий исследования ее социокультурной детерминации. Одной из самых актуальных таких стратегий является разработка этики науки как нормативной системы принципов и регламентации научно-познавательной деятельности, учитывающих специфику морального регулирования поведения и деятельности человека.

Особенно острой эта проблема стала в XX в., когда ученые и философы заговорили о том, что наука, лишенная нравственных императивов, может поставить человечество на грань катастрофы. Изобретение устрашающих

орудий истребления, разрушение природной среды, создание чрезмерно технизированного мира рождает недоверие к науке.

До середины 20-го века проблемы этики науки не являлись объектом особого внимания и систематического изучения. Ситуация радикально меняется, когда экспансия науки затрагивает сферу непосредственного человеческого существования и распространяет свое влияние на биофизиологические, психические и духовные аспекты жизнедеятельности человека. Этические проблемы науки встали особенно остро в связи с быстрым развитием физики, биологии (особенно генетики), а также психологии. Здесь возникали вопросы, разумно ли, нравственно ли извлекать энергию из расщепления ядра, еще не располагая целостной картиной его устройства? Можно ли с помощью генной инженерии скрещивать гены, если развитие живой материи вообще может выйти из-под контроля человека? В предметное поле научных исследований вовлекаются т.н. антропоразмерные системы, в структуре которых в качестве атрибутивного элемента выступает сам человек во всем богатстве и конкретности его психофизиологических, социальных и духовно-нравственных характеристик. Здесь отчетливо проступает принципиальная граница возможностей науки и научного метода освоения сложных человекообразных систем. Еще И. Кант утверждал, что в соответствии с фундаментальными этическими принципами человек никогда не может рассматриваться как средство, а должен оцениваться только как цель.

Главной проблемой межличностных отношений в научном коллективе является этика дискуссий (дискуссия может быть и заочной, но этические требования остаются те же – дискутируют с личностью). Отношения внутри научного сообщества регулируются прежде всего этикой публикаций. Отношения между ученым миром и остальным человечеством порождают проблему применения результатов научной деятельности, что становится предметом исследования социальной (или «внешней») этики науки.

Основные нормы этики науки.

Этика научной дискуссии.

1. При аргументировании своей точки зрения ни в коем случае нельзя сознательно использовать логические ошибки (их перечень дается в любом качественном учебнике логики).

2. Недопустимо использовать способы доказательства, при помощи которых можно доказать все, что угодно: апеллирование к интуиции, ссылки на ограниченность человеческого разума и т.д.

3. В научной дискуссии необходимо проводить четкую границу между научной позицией собеседника и его личными качествами – особенности личности вообще никак не должны затрагиваться.

Этика публикаций

1. Самое главное требование: публиковать можно только и исключительно свои идеи. Если для подтверждения или иллюстрации требуется привлечь работы других авторов, на них необходимо делать ссылки.

2. До сведения научного сообщества необходимо доводить не только положительные результаты своих исследований, но и результаты отрицательные, опровергающие концепцию, когда-то предложенную автором.

3. Публикации должны осуществляться в специализированных научных изданиях, рассчитанных на людей, сведущих в данной области знания, особенно если речь идет о результатах, которые могут быть не правильно поняты при отсутствии необходимой подготовки.

Одной из актуальных проблем ценностного измерения современной науки является вопрос о взаимосвязи и опосредовании внутринаучных, или когнитивных, ценностей, разделяемых сообществом ученых, и социальных ценностей, задающих фундаментальные приоритеты и цели развития общества на конкретном историческом этапе его существования. Внутринаучные ценности представляют собой совокупность нормативных предписаний и институциональных императивов, которые выполняют

функции организационной интеграции различных научных сообществ и регулируют характерные для них формы исследовательской деятельности. Этот тип ценностных ориентаций ученого нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они в существенной степени определяют структурно-содержательные требования, предъявляемые к новым научным знаниям.

Разговор о нормах поведения в научном сообществе неизбежно приводит к теме основных ценностей, которыми должен руководствоваться ученый, если он хочет не только результативно работать, но и иметь достаточно высокий авторитет среди коллег. Первая попытка кодификации социальных норм науки была предпринята американским социологом Робертом Мертоном в работе «Нормативная структура науки» (1942). Она органично соединяла в себе когнитивные и коммуникационно-деятельностные аспекты научного творчества. Однако в этой модели не учтено в должной мере влияние тех ценностных установок и социокультурных ориентации, которые определяют отношение к науке за пределами научного сообщества и задают видение и оценку науки с позиций доминирующих в обществе социальных ценностей и приоритетов развития.

Императивы (по Р.К. Мертону).

1. Универсализм. Внеличностный характер научного знания, необходимо предполагать, что изучаемые наукой явления везде протекают одинаково (при одинаковости условий), а истинность научных исследований не зависят от пола, характера, титулов, авторитета ученого – расовой принадлежности, социального статуса, политических убеждений и т. п.

2. Коллективизм. незамедлительно передавать плоды своих трудов в общее пользование, то есть сообщать свои открытия другим ученым тотчас после проверки, свободно и без предпочтений. Научное знание должно свободно становиться общим достоянием. Тот, кто его получил, не вправе монопольно им владеть. Научное знание – достояние всего научного сообщества.

3. Бескорыстность. Самый главный стимул научно-исследовательской

деятельности – это поиск истины, все остальное (финансовый успех, слава, признание) не должны быть главным стимулом.

4. Организационный скептицизм (всеобщий критицизм). Иребование по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключающего возможность некритического приятия. Норма скептицизма предписывает ученому подвергать сомнению как свои, так и чужие открытия и выступать с публичной критикой любой работы, если он обнаружил ее ошибочность. Ученый несет ответственность за публикуемые положения и т.д.

Проблема применения результатов научной деятельности является предметом исследований социальной (или «внешней») этики науки. Социальная этика науки размышляет о влиянии научных открытий (главным образом уже использующихся практически) на жизнь человеческого общества и на процессы, проходящие в окружающей среде.

Эта дисциплина еще очень молода.

Вплоть до конца XIX в. считалось, что любое научное открытие безусловно полезно для человечества, и поэтому все, что открыли, надо немедленно вводить в практику и тем самым улучшать и без того неплохие условия жизни.

Однако XX в. показал, что все далеко не так хорошо. К сожалению, Первая мировая война была только началом «осложнения» отношений науки и общества. В дальнейшем человечеству пришлось столкнуться с целым комплексом проблем, вызванных как сознательным введением научных достижений в практику, так и случайным выходом из повиновения различных высокотехнологичных систем. Именно этими обстоятельствами и обусловлено появление внутри этики науки такой дисциплины, как социальная этика.

Социальная этика науки – необычная область знания, она практически не дает никаких однозначных рекомендаций, хотя и работает с данными, по большей части точными, математически выразимыми. Она лишь указывает

на проблемы и эскизно намечает возможные варианты их решений. А проблема, по сути, одна: чем должен прежде всего определяться научный прогресс – объективной логикой развития науки или социальной ответственностью ученого? Из данного вопроса вытекают два других, его развивающих и комментирующих. 1. Кто несет ответственность за негативное использование результатов научных исследований: научный коллектив, разработавший то или иное новшество, или политическое руководство, это новшество применившее? 2. Необходимо ли прекращать научное исследование, если постепенно становится понятно, что последствия его практического использования наверняка окажутся деструктивными? Единственно правильных ответов на названные вопросы пока не найдено.

Предложенные Р. Мертоном нормы научного этики широко признавались и использовались научным сообществом вплоть до 60-х гг. XX в. Однако с этого времени, когда удовлетворенность наукой в обществе стала снижаться, одних представлений о некоем этическом регулятивном идеале оказалось недостаточно. Потребовалось дополнить эти представления данными о реальном самосознании ученых и их реальном поведении.

В цикле своих работ, написанных в 60-е гг., Мертон перешел от задачи исследования того, что должен делать ученый, к исследованию того, что он делает на самом деле, в реальной жизни. В своей работе «Амбивалентность ученого» (1965) для описания реального поведения ученых дополнительно к нормам научного этики он ввел еще девять пар взаимоисключающих, двойственных по смыслу, амбивалентных принципов. Тем самым он стремился показать, что в повседневной профессиональной деятельности ученый постоянно находится в напряженной ситуации выбора между полярными требованиями.

Так, ученый должен:

1. Как можно быстрее передавать свои научные результаты коллегам, но не должен торопиться с публикациями;
2. Быть восприимчив к новым идеям, но не должен поддаваться

интеллектуальной моде;

3. Стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но работать он должен, не обращая внимания на оценку других;

4. Защищать новые идеи, но не должен поддерживать опрометчивые заключения;

5. Прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области научные работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;

6. Быть крайне тщательным в формулировках и в деталях, но не допускать педантизма, ибо это вредит содержанию;

7. Всегда помнить, что знание универсально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено;

8. Воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать обучению слишком много внимания и времени;

9. Учиться у крупного мастера и подражать ему, но не копировать его.

В конце XX в. роль этоса науки в развитии научной деятельности стала изменяться. Эти изменения были связаны, прежде всего, с кардинальным сокращением финансирования науки в развитых странах, связанным с окончанием холодной войны. Сокращение финансирования привело к резкому сокращению государственного участия в развитии науки, к усилению процесса ее коммерциализации.

Эти процессы особенно сильно проявились в России, где на данную общемировую тенденцию наложились глубокие социально-экономические трансформации. Естественно, что это способствовало снижению планки нормативных стандартов научной деятельности, поскольку ценностные установки современного общества оказались во многом противоположными нормам классического этоса, охраняющего сущностные качества науки.

Так, проведенные зарубежными и отечественными учеными

социологические исследования науки показали, что нарушение научных норм стало чуть ли не общим правилом.

Обширный класс этических проблем обусловлен тем, что современная техника, помещая человека в далекие от нормального функционирования условия технологизированного пространства, задает необходимость новых форм приспособления к окружающей действительности. Значительное расширение технических возможностей общества сопровождается тем, что в ряде исследований объектом воздействия становится сам человек, что в свою очередь создает определенную угрозу его здоровью и существованию. Физики-ядерщики были первыми, кто столкнулся с проблемами подобного рода. Сейчас эти риски и угрозы затрагивают и область молекулярной биологии, генетики, медицины, психологии и ир. Особое место занимают проблемы этики ученого. Здесь наиболее важными являются проблемы авторства научных открытий, плагиата, компетентности и фальсификации научных открытий. Эмос науки направлен и на защиту науки от лже-, псевдонауки и воинствующего оккультизма. В научном сообществе принято устанавливать достаточно жесткие санкции за совершение фальсификаций и плагиата. Ученый может ошибаться, но не может фальсифицировать. Научное сообщество отторгает исследователей, занимающихся плагиатом, бойкотирует их, прерывает с ними всяческие научные контакты, отказывается от совместной работы. Для исследований, претендующих на научный статус, строго обязателен институт ссылок, благодаря которому фиксируется авторство тех или иных идей. Институт ссылок – это «академическая составляющая науки». Он обеспечивает селекцию того нового, которое свидетельствует о росте научного знания, привязывая его к конкретному автору или группе ученых. Псевдооткрытия, как правило, не долговременны.

Особое значение имеет проблема одержимости ученого, когда он при интенсивных занятиях научной деятельностью отрывается от реального мира. Очень часто ученые тяготеют к значительному преувеличению своего

личного вклада по сравнению с деятельностью своих коллег. Это также порождает массу проблем, обнаруживаемых в проведении научной полемики, и влечет за собой нарушение научной корректности и научной этики.

В сферу этики науки попадают и проблемы повседневного бытия ученых. Т. Парсонс особо отмечал необходимость адекватных взаимодействий с обществом, позволяющих членам научных профессий обеспечивать свою жизнь за счет только своих профессиональных занятий. Ученый выступает в качестве поставщика специализированных знаний, он компетентен в своей достаточно ограниченной, дисциплинарной области. Строго говоря, он ответствен лишь за достоверность предлагаемых знаний, а не за последствия их практического применения. Возникает острое противоречие между профессиональной и социальной ответственностью ученого. Поэтому этическое обоснование должно предварять сам ход эксперимента и научного исследования.